КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 5 ФЕВРАЛЬ 1991

В. ПОЛУХИН.

Во что одеваться народным депутатам?

Стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 5 (2699)
февраль 1991

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции
журнала «Крокодил»
и издательство ЦК КПСС
«Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(первый зам. главного
редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Редакция не рецензирует
присланные литературные
и изобразительные материалы.
Рукописи объемом меньше
2 печатных листов
не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 09.01.91.
Подписано к печати 17.01.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
доп. тираж 350 000 экз.
Зак. № 60.
Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

«КРОКОДИЛ» ОТКРЫВАЕТ БЕЛЬГИЮ

Вначале было слово.

Звонил некий Серж Снук, прибывший из Бельгии и желавший навестить нашу редакцию.

— Хочу подарить вам свой альманах,— сказал он, сильно озадачив нас, ибо мы понятия не имели, кто такой этот Снук. Но, как люди воспитанные, ответили:

— Милости просим!

И не пожалели...

О Серже и его альманахе рассказ впереди. А сейчас скажем, что в результате неожиданного визита тройка крокодильцев вскоре садилась в серебристый лайнер Аэрофлота, имея при себе увесистую папку карикатур и не облагаемое дополнительным сбором количество разнообразных сувениров. Рисунки предназначались для выставок в Брюсселе, Генте, Антверпене и Льеже.

Признаться, такого нам еще никто не предлагал: четыре выставки «Крокодила» одновременно в одной стране! «Что бы это значило?» — терзались мы догадками. Может, у них там обнаружился острый дефицит юмора? Коли так, то отчего бы не помочь — этого товара у нас, слава Богу, пока в избытке.

Потом, мотаясь как угорелые по прекрасной и гостеприимной стране, где в середине декабря платаны стоят еще зелеными, изнуряя неутомимый снуковский «форд» сумасшедшими (по нашим меркам) скоростями на автострадах и проселках, встречаясь с десятками людей, мы убедились, что с юмором у них все в полном порядке.

До обидного простой оказалась и загадка кампании по массовому охвату бельгийцев крокодильскими рисунками, предпринятая Сержем Снуком: этот человек считает весьма конструктивным и прибыльным (не только в местных франках) импортировать советские улыбки, кои в отличие от нашего рубля вполне конвертируемы...

Восемь дней в Бельгии. Восемь городов, радушно открывших нам свои древние ворота. Сотни вопросов на пресс-конференциях и в дружеских беседах, в аудиториях университета и на сталелитейном комбинате. Огромный интерес к нашей стране, к перестройке, искреннее сочувствие трудностям и бедам, переживаемым нами. И это в стране, где находится штаб-квартира НАТО. Да, многое в мире изменилось к лучшему...

Мы ехали в Монс. В тот самый, неподалеку от которого родился Ван Гог. Огромное багровое солнце поднималось из-за кромки подернутого инеем поля. Стрелка спидометра упиралась в цифру 140. И вдруг Серж мягко притормозил, хотя ничего примечательного окрест не наблюдалось. Разве что ограда из военной колючки. Показав на нее, Снук сказал:

— Еще недавно вы не смогли бы приехать сюда: здесь стояли американские «Першинги». Так что скажите спасибо Горбачеву за эту поездку.— Он улыбнулся и нажал на газ.

Там, где квартировали чудовища с атомными боеголовками, нацеленные на восток, теперь паслись коровы.

И это не единственная добрая примета глобального потепления, увиденная нами на земле древней Фландрии.

См. стр. 8.

ВИЛЫ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО?..

Перестройка докатилась и до наших мест. Рынок начал наполняться. Одним из предметов всеобщего пользования стал предмет, не требующий валюты и конвертируемого рубля: в магазины завезли футляр для талонов. Галантерейная фабрика г. Саратова. Цена футляра — 20 копеек.

Можем предположить: талоны утвердились всерьез и надолго?

Н. ЛУТКОВ,
г. Воткинск.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ

Дорогой Крокодил!

Тебе, наверное, известна старинная русская поговорка насчет бабы, которая купила порося. У меня тоже было заметно меньше хлопот, пока я не купила. Только не порося, а автомобиль ЗАЗ-968. Причем отчасти не по своей воле. Открытку на его приобретение мне вручил профком МосгорСЭС как поощрение за многолетнюю безупречную работу.

И вот нежданно-негаданно мой вновь приобретенный «порось» влетел в яму-котлован, выкопанную в Отрадном на улице Санникова. Обошлось без жертв, но разрушения огромны. В связи с этим как врач-паразитолог я собираюсь оставить свою работу по борьбе с комарами, блохами и тараканами и заняться исключительно следственной практикой. Потому что мне, видимо, самой придется найти хозяина неогороженной ямы, чтобы взыскать с виновного понесенный ущерб. Работники Кировского РУВД никак не могут этого сделать. Уже сменилось три следователя, а ямовладелец все не обнаружен. И еще я лишний раз убеждаюсь, насколько мудры старинные русские поговорки.

О. ГОРОНЕНКОВА,
врач МосгорСЭС.

«НАДОЕЛИ»?

Два года в Оренбурге в центре города на Пушкинской улице в доме № 9 проводится эксперимент на выживание человека. То без объяснения свет вырубят, то воду не дают, то газовые колонки отключат — помыться негде. А то зимой сняли батареи и три недели не хотели ставить. В ЖЭУ кивали: «Раз сняли аварийщики, то пусть они и ставят». А те в ответ: «Мы течь устранили, а остальное — дело ЖЭУ».

В управлении коммунального хозяйства — обещания. В горжилуправлении и разговаривать не хотят: их дело — квартплату собирать. В горсовете — свои заботы: заседания да разбор портфелей. Как громоотвод, поставили там справочный телефон — дозвонишься, не успеешь о беде сказать, обрывают: «Надоели!»

В полумиллионном городе, где КПСС сдала власть, а Советы никак взять ее не могут, собрать в одном месте руководителей, отвечающих за свет, тепло, газ и воду, да принудить хоть бы наш дом привести в норму невозможно. Мы же даже о том, чтоб, с работы добравшись, помыть руки (кусок мыла на год), чая пустого попить (килограмм сахара на месяц) да, включив свет, прочесть в газетах об успехах, и мечтать не можем.

Я понимаю, у нас мировая революция не получилась, а я с мелочью — о каком-то бесхозном доме в далеком Оренбурге... Но в войну отцам, может быть, было легче: знали, кто виноват. А сейчас в надругательстве над людьми — кто? Может, человеческий фактор все это и выдержит, но сами-то люди уже на пределе.

Л. БУРАКОВ,
г. Оренбург.

«КАК БЫ ВЫЖИТЬ?»

Как уже сообщалось в № 3, под этой рубрикой Крокодил намерен публиковать читательские идеи о выживаемости в наших нерадостных условиях.

Сегодня мы знакомим вас с предложением Р. Мухамедханова из г. Нефтекамска.

Тысячи депутатов заседают нынче на съездах, сессиях, в комитетах и комиссиях нашей необъятной отчизны. Их кпд, как мы с горечью убеждаемся, невысок. А почему бы в депутатских креслах не сделать небольшое углубление и не уложить туда дюжину яиц для высиживания? Заподлицо с сиденьем кресла можно вмонтировать страховочную металлическую решетку (см. рисунок). Таким образом, будет заметное подспорье в производстве куриного (утиного, гусиного) мяса, что поможет осуществлению Продовольственной программы. Да и у депутатов повысится настроение, когда они увидят ощутимые плоды своей работы.

Крокодил ждет новые рацпредложения: Не забудьте на конверте написать нашу всесоюзную мечту: «Как бы выжить?»

ОБЪЕКТ и ВЫ

— Любимая, а знаешь, сколько сажи
В такой трубе? Пожалуй, можно даже
Надеяться, что для твоих ресничек
Тушь все-таки появится в продаже.

Л. ЧУСОВОЙ,
г. Добрянка Пермской обл.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Правление колхоза им. Кирова претензий к угнанной машине не имеет».

(Из решения правления колхоза)

«Мой муж работает в подсобном хозяйстве общепита свинаркой».

(Из заявления в прокуратуру)

«Проводя беседы с учащимися, вместе с ними сидела на койках, считая, что это приближает учащихся, хотя на самом деле способствовало разложению их».

(Из характеристики)

«Для участия в преступных действиях Васенина в качестве общественного обвинителя рекомендовать Баркалову Н. И. Голосовали единогласно».

(Из протокола собрания)

«Женщина стояла на веранде, а голова ее была на улице...»

(Из протокола допроса)

«Слушали: «О неудовлетворительной работе заведующей магазином по торговле спиртными напитками». Постановили: «Активизировать работу магазина в этом направлении».

(Из решения правления райпо)

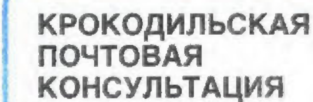
«С 25.05 главного зоотехника Тимашкова, устранившегося от исполнения своих обязанностей в связи с запоем, считать в очередном отпуске. Предупредить, что в случае незавершения запоя до конца отпуска, то есть с 27.06, к нему будут приняты более строгие меры взыскания».

(Распоряжение председателя колхоза)

Прислал В. ВАСИЛЬЕВ,
Смоленская область.

ХОТЬ У МЕНЯ НА СВИДАНИИ НАЕШЬСЯ!

Р. ДРУКМАН.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПОЧТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

На овощной базе у нас крысы и мыши подохли, отравившись гнилой капустой. А у вас так бывает?

А. СИЛКИН,
г. Ярославль.

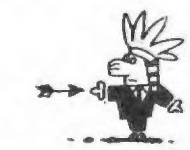
А у нас порода крыс другая — питается асфальтом.

Ни в одной доступной мне энциклопедии нет названия головного убора с перьями, которым украшали себя американские индейцы разных племен. Нужно оно мне для научной работы. Посылал письмо коллегам — ученым этнографического института в Москву, но ответа не получил, значит, проигнорировали. Не ехать же мне в Америку к индейцам?

Б. ЛАПИН,
г. Новосибирск,
Академгородок.

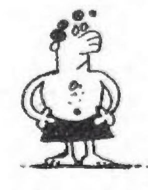
Зачем ехать? Послать берестяную грамоту индейцам. И ждать ответную стрелу. Вернее будет.

В поисках резинки (чтобы у мужа держались трусы, как положено) мне пришлось потратить два дня. У себя в городе и в областном центре Ростове, но безрезультатно. Какой выход?

Е. СМОЛИНА,
г. Таганрог.

Выход один: убедить мужа не тянуть резину.

У нас в городе в продаже сковородок нет.

Ю. ЧУРИЛИН,
г. Днепропетровск.

Сообщаем со всей определенностью: сковородки появятся в тот момент, когда будет что на них жарить, кроме талонов, разумеется

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

С ДЮМА-отцом НЕ СОСКУЧИШЬСЯ...

НЕ ПРИСТАВАЙТЕ!

Александру Дюма до того надоели беспрестанные нападки на его мемуары с обвинениями в неточностях и ошибках, что он однажды сказал: «Я пишу не историю, стало быть, не обязан справляться о подробностях. Если я и ошибаюсь иногда, то единственно оттого, что у меня ослабла память. Кому какое дело до того, что я пишу в своих мемуарах! Я рассказываю так, как помню и как чувствую».

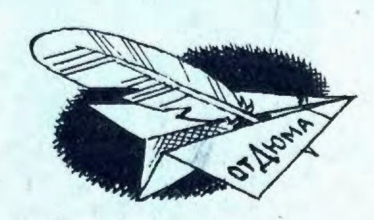
ВИКТОР ГЮГО? ДА, ОН НЕ БЕЗ ТАЛАНТА.

Великий сказочник Андерсен познакомился с Дюма-отцом в 1842 году в Париже. Когда Андерсен вошел в роскошную квартиру Дюма, то был приглашен в спальню, где застал писателя в постели. «Сядьте и подождите минутку,— сказал ему Дюма,— у меня в гостях дама». Заметив удивленный взгляд гостя, он расхохотался и прибавил: «Это моя муза. Она сейчас уйдет». Он продолжал лежа писать быстрым, четким почерком. Наконец он вскочил вдруг с постели, окутал свое грузное тело одеялом в виде тоги и стал расхаживать по комнате, декламируя вслух с театральными жестами. Андерсен, полагая, что он сошел с ума, с испугом попятился к двери, но Дюма схватил его за борт сюртука и удержал, спрашивая: «Ведь превосходно, не правда ли? Достойно Расина, а? Это я кончил сейчас третий акт моей драмы». Он писал по одному акту до завтрака, а иногда и более.

Дюма вызвался познакомить Андерсена с парижскими знаменитостями, и когда тот сказал, что уже знаком с Виктором Гюго, Дюма вскричал: «Виктор Гюго? Да, он не без таланта. Только он еще не знаменитость. Погодите, я познакомлю вас с настоящими». Знаменитостями оказались балерины Сен-Мартенского театра.

НИКОГДА НЕ ОТКАЗЫВАЛ

Чтобы избавиться от надоедливых посетителей, у Дюма было верное и быстрое средство: он никогда никому ни в чем не отказывал. Если, например, кто-нибудь приходил к нему и говорил: «Дорогой Дюма, не можете ли вы оставить для меня сегодня ложу во французской комедии?», Дюма присаживался к столу и писал: «Дорогой Вертель, не можешь ли оставить ложу подателю этой записки?» Счастливец мчался в театр и предъявлял письмо директору, который прочитывал его и восклицал: «Да ну его к черту, этого Дюма! Ведь вы уже семнадцатый, который приносит сегодня просьбу о ложе! Если я стану исполнять все его просьбы, то мне придется давать два представления ежедневно только для удовлетворения его протеже!»

СИЛА ИСКУССТВА

Как-то раз в театре на представлении пьесы некоего Сумэ Дюма стоял рядом с автором и рассматривал публику. Вдруг он увидел, что какой-то господин в креслах уснул.

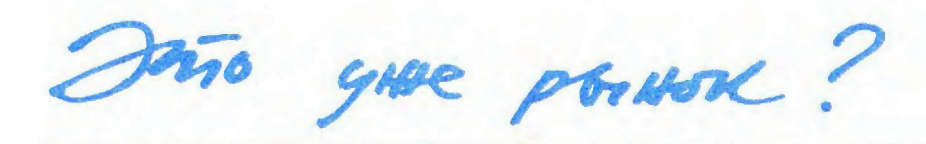
— Видишь,— сказал Дюма,— какое действие производят твои пьесы!

На следующий день давали комедию самого Дюма. Оба писателя опять стояли вместе и рассматривали из-за кулис партер, но на этот раз уже Сумэ увидел господина, который мирно похрапывал на своем месте. Сумэ потрепал Дюма по плечу и проговорил:

— Видишь, и на твоей пьесе тоже можно спать.

— Ах, нет,— ответил Дюма,— это еще вчерашний зритель, просто его не смогли разбудить...

Близнецов («ССС») угощал деликатесами В. СУРМИЛО.

Юрий БОРИН

ОСЕТРИНА ВТОРОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

На днях меня не пустили в магазин.

Не потому, что магазин на Вятской улице, дом 1, закончил свой трудовой день или там объявили санитарную неделю. Не пустили, потому что НЕ ПОЛОЖЕНО. Как мне объяснили, в этот день отоваривались работники районного КГБ и вневедомственной охраны. Поэтому дама, бдительно стоящая при дверях, наметанным глазом выловила меня из очереди, напиравшей сзади, и потребовала талон.

Талона у меня не было. Тогда меня с позором выдворили и крикнули напоследок:

— Посторонним вход в магазин воспрещен!

Не правда ли, любопытное явление: оказывается, в нашей стране «посторонним» является покупатель, который хочет выложить свои кровные за какой-нибудь товар. Где-нибудь в мире есть еще такое?

И все же в магазин этот я попал. Правда, не в правый отсек, где товар отпускался исключительно по талонам, а в левый.

То, что я там увидел, описанию не поддается. Там было ВСЕ.

То есть абсолютно все дефицитное, остродефицитное и ультрадефицитное. И притом в неимоверном количестве. Но по ценам, от которых темнело в глазах. К примеру, двухкассетник — 3 800 рублей, швейная машинка — на тысячу больше, кожаное пальто женское — 15 тысяч, а женская дубленка с покрытием — 13 тысяч целковых. Даже обыкновенная рубаха тянет на 450 рубликов.

После этого я имел душевный разговор с директором магазина Н. Д. Морозовой. Она сообщила, что в левом отсеке — так называемый коммерческий комиссионный магазин, куда любой советский гражданин может сдать любой импортный товар по любой договорной цене.

— Ну и как идет торговля?

— Нормально,— заверила директриса.— Товары не залеживаются.

Я порадовался за наших советских богачей, для которых лишний десяток тысяч не проблема, и одновременно понял, что это, по-видимому, зримые черты рынка, поскольку ни кожаное пальто, ни двухкассетник, ни тем более рубашка, которая стоит раз в двадцать дороже государственной, конечно, не являются предметами первой необходимости, а стало быть, точно подходят под постановление правительства о повышении цен на данные товары.

И тут же поинтересовался, как идут дела в правом отсеке, где торгуют по талонам и по госценам.

— Плохо,— опечалилась Нина Дмитриевна.— Товаров становится все меньше. К примеру, раньше фабрика «Салют», которая шьет женские пальто, два раза в месяц привозила по полной машине. Теперь один раз привезла 59 штук пальто, которые мгновенно расхватали. К тому же и цены стали выше: фабрике выгоднее сшить одно пальто по тройной цене, чем три — по дешевке. Вот и вымывается дешевый товар...

А ведь верно, подумал я, зачем предприятию выпускать товары первой необходимости, если можно перейти на вторую, что, безусловно, куда доходней. Не потому ли предметами роскоши у нас завалены коммерческие магазины, торгующие по договорным ценам, а предметами первой необходимости мы торгуем по талонам, купонам, лимитам и прочим замечательным изобретениям распределительной системы. Правда, того и гляди скоро уже нечего будет распределять, поскольку список товаров первой необходимости с каждым днем сокращается на манер шагреневой кожи.

Ну хорошо, я понимаю, что осетрина — предмет явно второй необходимости. Не обязательно каждому советскому человеку кушать по утрам бутерброд с осетриной, которая стоит 72 рубля за килограмм. Тем более с осетровой икрой, которая стоит еще дороже. Ну а мясо? Оно какой необходимости товар? Вы скажете первой — и ошибетесь. Поскольку цены на мясо установились договорные, а значит, во много раз выше, чем прежние. И если вы сможете купить, скажем, свинину по 10 рублей за килограмм (в магазине на Новослободской улице), то считайте, что вам крупно повезло.

Куда делось дешевое мясо? А никуда оно не делось. Просто наше уважаемое правительство сперва подняло закупочные цены на мясо, а затем ликвидировало всякие дотации, которые раньше существовали на продукты сельского хозяйства. И теперь цены на базаре и в госмагазинах практически сравнялись.

А вслед за мясом повысились цены и на прочие сельхозпродукты, хотя то же правительство клялось и божилось, что цены будут повышены исключительно на предметы роскоши и товары не первой необходимости, от которых (цен) население ни в коей мере не пострадает, а пострадают некоторые советские толстосумы, которых необходимо потрясти.

Не знаю, как трясутся толстосумы, я лично их не видел, но знаю, как трясется тот же Рижский рынок, где уже не сами товары, а только талоны на них продаются по стольнику (100 рублей в переводе на человеческий язык).

В такой ситуации грех жаловаться на Центросоюз, который издает распоряжение о повышении цен на те или иные сельхозпродукты в зависимости от конъюнктуры. Я спросил работника Центросоюза Е. М. Купцова, откуда берутся бешеные цены на колбасу: ведь делают ее не какие-то там частники, которые хотят продавать по договорным ценам.

— А очень просто,— ответил Евгений Михайлович,— вся колбаса вырабатывается на мясокомбинатах. Но часть ее продается по госцене в госмагазинах, а часть — по кооперативной цене в магазинах Центросоюза.

— Выходит, это просто-напросто скрытое повышение цен?

— Выходит, так,— честно признался начальник сектора экономики и цен вышеупомянутого ведомства.

И тогда у меня возник дилетантский вопрос: если цены на все товары растут, если галопирует инфляция, то, по обещанию того же правительства, следовало бы как-то компенсировать все эти процессы — повышением зарплаты, повышением пенсий, стипендий и прочими выплатами? Что-то об этом ничего пока не слышно.

Увы, обещания остались на бумаге. Зато я кое-что узнал, зайдя в магазин на улице Вишневского. В этом магазине торговали мясом. Собственно, торговлей это можно было назвать с большой долей иронии. То было Мамаево побоище. Мясо брали штурмом. Но оказалось, что есть слой граждан, которым не обязательно было вступать в эту баталию. На стене висело дивное объявление: «РАБОТНИКИ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ НА ДОМУ ВНЕ ОЧЕРЕДИ ПО ПРЕДЪЯВЛЕНИИ УДОСТОВЕРЕНИЯ».

Ура, товарищи! Теперь райсобесу не надо стоять в общей очереди вместе с обслуживаемыми ими пенсионерами. Наконец-то на каком-то участке нашего бытия мы вырвались в зону цивилизованного сервиса.

Походив по магазинам и ничего утешительного не увидев, я обратился к известному экономисту Василию Селюнину.

— К сожалению,— сказал Василий Илларионович,— существуют по крайней мере два вида цен: государственные и договорные. Но разве нашему правительству не ясно, что двойные — низкие и высокие — цены на одни и те же товары рождают перекупщиков-спекулянтов, с которыми мы столь безуспешно боремся? Вот восемь республик повысили цены на различные товары. И к чему это привело? К тому, что из тех республик, где цены ниже, вывозятся товары туда, где цены выше. И никакие таможенные рогатки и запреты здесь не помогут. Вот характерный пример: Москва. По словам Президента СССР, основанным на сводках Госкомстата, снабжение столицы в 1990 году оставалось на уровне 1989 года. Но ведь не надо заглядывать в сводки, чтобы увидеть, что за это время полки опустели начисто. А ведь только свободные цены, не декретируемые свыше, могут создать рынок. Но для этого надо принять антимонопольные законы, чтобы ведомства не распоряжались ценами. А забрать у людей «горячие деньги» можно только одним способом: увеличить производство товаров. Другого способа человечество не выдумало.

Таково мнение экономиста. Тем не менее декретирование продолжается. Причем во все более расширяющихся масштабах. И теперь в предметы «роскоши» попадают обыкновенная картошка, брюки и ботинки. Монополисты же (Минторг, Центросоюз и прочие ведомства) продолжают диктовать цены, продолжают «договариваться» о них за спиной покупателя. Но разве не ясно, что высокие договорные цены выгодны производителю и продавцу, извлекающим дополнительную прибыль. Только не покупателю, который расплачивается за это из собственного кармана.

г. Москва.

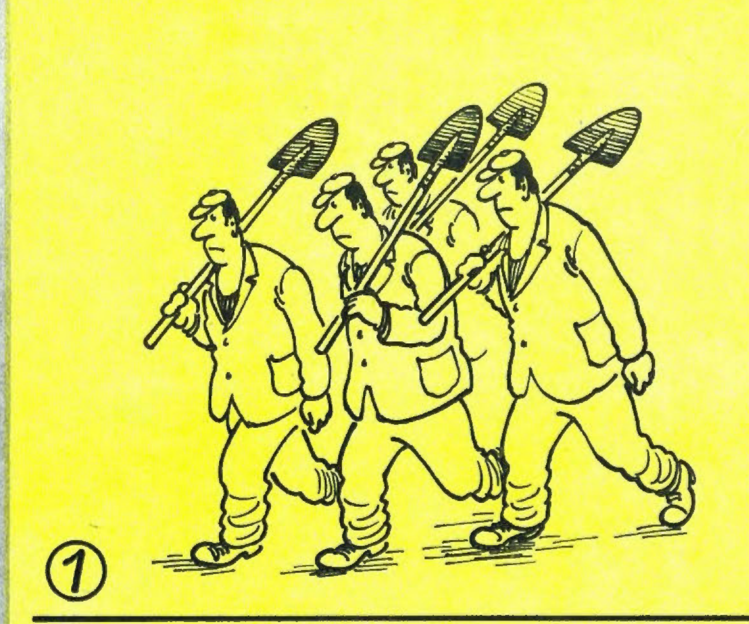
ПОМИНКИ.

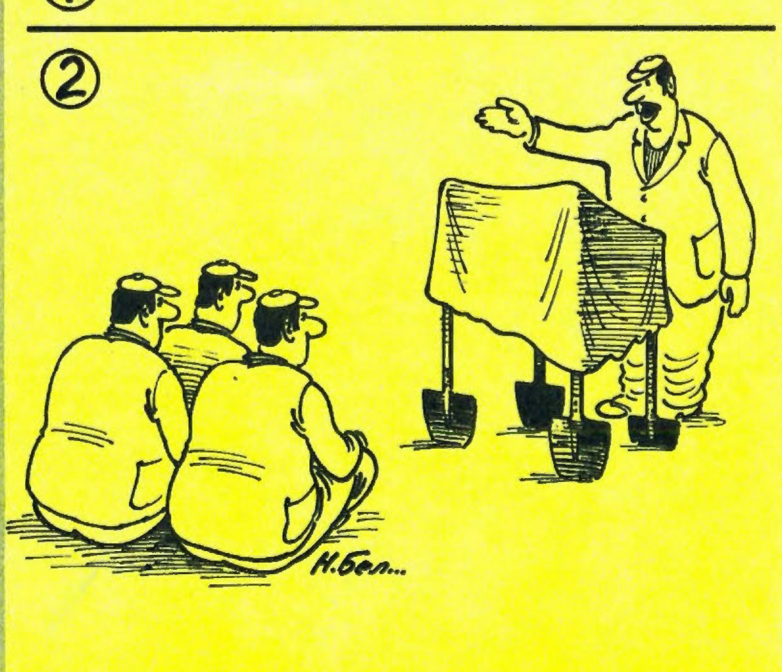

В. МОХОВ.

В. ВЛАДОВ.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Д. КОНОНОВ, г. Пермь.

— Не жди, Петрович, я теперь держатель акций.

В. ВЛАДОВ.

Где они — „Дети Чернобыля"?

Дмитрий СЕМЕНИК,
специальный корреспондент Крокодила

МАСКА ДЛЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Выступая на XIX партконференции, тогдашний первый секретарь ЦК КПБ Ефрем Соколов высоко оценил экономическое положение моей родной Белоруссии. Единственное, что его беспокоило,— нападки на мелиорацию, которые выражались в «требовании законсервировать болото и тем самым сохранить трудные условия для жизни тысяч и тысяч людей».

Это сказал лидер республики, которой досталось 70% чернобыльской радиации. Из 10 миллионов населения Белоруссии по крайней мере 2 миллиона нуждаются в отселении. Детская заболеваемость в радиоактивной зоне выросла во много раз, но это еще даже не цветочки, так как ягодки ожидаются в следующем веке.

Однако лидер правящей партии будто и не слышал, что у его народа есть кое-какая проблема. Он не только не просил помощи для своей республики, но вообще не вспомнил о «мирном атоме».

По причине того, что ЦК КПБ гордо отказался от помощи, из союзного чернобыльского фонда Украина получила 300 миллионов рублей, Минатомэнерго — 65 миллионов, а пострадавшая больше всех Белоруссия — всего лишь 35 миллионов.

Еще недавно белорусская пресса усердно пинала «паникеров» и «дезертиров», которые пытались спасти своих детей и бежали от «мирного атома» куда глаза глядят. Высочайшие лжецы только что не ставили чернобыльскую зону Белоруссии в один ряд с лучшими бальнеологическими курортами мира. Лишь с лета 1989 года республика начала узнавать правду. Первым блокаду прорвал благотворительный комитет «Дети Чернобыля», который был создан в апреле 1989 года Белорусским народным фронтом.

Теперь комитет «Дети Чернобыля» пытается спасти тех, кто гибнет в первую очередь, спасти будущее своего народа — детей. За полтора года получены и розданы сотни тонн детского питания, 5 тысяч детей побывали на оздоровлении или лечении за границей, строятся кирпичные заводы. Конечно, в сравнении с масштабами катастрофы это немного. Но сравним: всемогущее государство за 4 года отправило на оздоровление за границу только 1200 детей, да и то при помощи Международной организации скаутов. Благотворительность в СССР — это вообще нонсенс, недаром в Законе СССР о налогообложении нет даже понятия благотворительного фонда. А комитет «Дети Чернобыля» совершил свои деяния без единого штатного работника, без помещения, не являясь юридическим лицом. Оказывается, он не зарегистрирован.

Проблема в том, что комитет «Дети Чернобыля» — это подразделение Белорусского народного фронта, который при создании именовал себя народным движением за перестройку, национальное возрождение и демократию. А белорусская партократия узрела в БНФ оппозицию. Почему — непонятно. Разве за пять лет перестройка, за которую ратовал БНФ, что-нибудь плохое партаппаратчикам сделала? Или они испугались, что под влиянием Народного фронта терпеливое, сонное белорусское «население» превратится в дружный, свободолюбивый «народ»? Что ж, опасность серьезная. Тем более что недавно БНФ ушел из-под знамен перестройки, так как устал вместе с вождями перестройки блуждать в трех соснах с бодрыми криками: «Наш курс правильный!» Еще более критично стал относиться БНФ и к белорусским партаппаратчикам, каковые только за эти четыре года чернобыльского гробового молчания и гробового бездействия, смахивающих на геноцид против своего народа, кое-чего заслужили. Слава Богу, что советские порядки позволяют бороться с оппозицией до смешного легко и тихо: высокие государственные инстанции просто не регистрируют Народный фронт со всеми его подразделениями.

Однако комитет не ждет милостей от бюрократической природы. «Я постоянно меняю маски, ищу подставные формы»,— признается председатель комитета, народный депутат Белоруссии Геннадий Грушевой. Первую попытку легализоваться Грушевой сделал в августе 1989 года — создал Координационный совет общественности «Чернобыль и дети» при Белорусском отделении Советского детского фонда. Когда совет «Чернобыль и дети» собрал 120 тысяч рублей, Детский фонд сообщил, что будет распоряжаться этими деньгами самостоятельно, проявив далеко не детскую хватку.

В конце 1989 года Грушевой придумал информационно-исследовательский центр при Белорусском союзе кинематографистов.

— Это своего рода «Рога и копыта»,— говорит депутат Грушевой, которому не нравится роль Остапа Бендера.— Там нет ни одного штатного сотрудника, ни одной ставки. Зато есть печать.

Спасибо кинематографистам. «Человек с печатью» — это звучит гордо!

Спасибо и управляющему коммерческим банком, который в начале лета 1990 года рискнул открыть счет благотворителям-подпольщикам, которые на этот раз спрятались под другую маску: фонд «Детям Чернобыля». Своя логика тут есть, но именно своя, перевернутая, как и все у нас: если зло нередко можно делать открыто и безнаказанно, то добро, пожалуй, должно быть с кулаками и в маске. Спасибо, хоть не надо Фунта для отсидки нанимать.

Денежки счет, конечно, любят, но для начала этот счет нужно где-то опубликовать. А белорусские средства массовой информации объявили комитету бойкот. Потому что сведения о работе комитета — это, во-первых, укор бездействию государства, а во-вторых, бесплатная реклама для БНФ. А рекламу оппозиции республиканская пресса не стала бы делать даже за деньги. Клевета — пожалуйста, даром, белорусским газетам уже приходилось отвечать за очернение БНФ. Как же иначе? Ведь тут замешаны интересы больших людей, и интересам маленьких людей места не остается. Политика требует жертв, а чужими жизнями у нас всегда жертвовали охотно.

Когда государство отправило на оздоровление за границу 1200 детей, пресса и ТВ едва ли не ежедневно сообщали о ходе программы. О 5200 детях, отправленных комитетом, деликатно промолчали. А министр народного образования БССР Демчук в интервью газете «Знамя юности» вместе с теми 1200 детьми записал и этих 5200 на счет своего министерства, весьма откровенно заметив там же: «Когда начинается неразбериха, труднее удержаться от соблазна преувеличить собственные заслуги».

Пришлось комитетчикам горло драть — пропагандировать свой счет на митингах БНФ. Худо-бедно, из разных городов сообщали о тысячах, переведенных на счет «Детей Чернобыля». Так что Грушевой был потрясен в августе, обнаружив на счету всего лишь несколько сот рублей. Комитетчики стали разбираться и выяснили, что предназначенные им деньги переводятся на счета других фондов, которые имеют совсем другие номера в совсем других банках.

За разъяснением Грушевой обратился в республиканский банк и получил ответ, что дальше будет лучше. Но о тех деньгах, что уже в банк попали и пропали, банк умолчал. Не имея времени на бумажные игры с этим финансовым воротилой, комитетчики махнули рукой: спасибо, что хоть после этого деньги стали поступать, правда, неизвестно, все ли.

Да, силы были не равны, и быть благотворителям на лопатках, а детям — в радиоактивной зоне, но наученный комбинировать комитет вспомнил великого основоположника, который ясно сказал, на кого остается надеяться детям этой страны: «Заграница нам поможет». Теперь благодаря противодействию властей «Дети Чернобыля» фактически превратились в международную организацию с отделением в Берлине и собственными счетами во многих странах.

Очень такой оборот раздосадовал всех хозяев жизни — от республиканских до районных, которые поездки детей на оздоровление за границу по линии БНФ воспринимают лишь как метод политической агитации и вызов себе.

— Тяжело нам соперничать лагерями труда и отдыха с поездками в ФРГ, Бельгию, Данию,— жалуется хозяин самого радиоактивного района Белоруссии, председатель Хойницкого райисполкома Олег Акушко.— А приезды в район разных иностранцев? Те, кто едет с открытой душой, первым долгом считают представиться властям. Но немало и таких, какие по каналам БНФ едут в Союз, лезут сюда, будто тут медом намазано, тайно ездят по школам, садикам и т. д. А если занесут специально какую-нибудь заразу? Кто будет отвечать перед народом?

Чувствуете, из каких времен казематом пахнуло? А сказано в октябре 1990 года на районной партконференции.

Да уж, для местных властей весь этот шум вокруг Чернобыля хуже стихийного бедствия. Понаедут всякие со счетчиками, намеряют, а как потом перевыполнять планы по производству радиоактивных продуктов? Если поля будут закрыты, а люди отселены, командовать местным князькам будет нечем и некем, и они готовы на все, лишь бы удержать разрушаемую радиацией власть. Директор совхоза «Ветковский» А. Кисель даже подал в суд на народного депутата Белоруссии Б. Гюнтера за то, что тот сорвал уборочную на поле с фоном выше 40 кюри. А поскольку далеко не все сельские активисты комитета «Дети Чернобыля» имеют депутатские значки, чтобы как-то работать, им приходится вспоминать партизанское прошлое и использовать скрытность, внезапность и натиск.

Недавно у «Детей Чернобыля» наконец-то появился «конкурент». Не прошло и века — через четыре года после аварии был создан Госкомитет БССР по проблемам последствий катастрофы на ЧАЭС. О делах этого ведомства говорить пока рано, но люди, севшие в его кресла, известны. Например, заместитель председателя этого госкомитета В. Бурьяк никогда не стоял в стороне от Чернобыля. Вскоре после взрыва на ЧАЭС начглавка Минздрава БССР Бурьяк опубликовал в «Сельской газете» радостную статью «Здоровью угрозы нет». Судя по его последнему назначению, оказалось, что угроза все-таки есть. А солдат номенклатуры снова при деле — чернобыльский ветер подул в другую сторону, и флюгер повернулся. Они универсалы, эти солдаты: им что устраивать Чернобыль, что спускать в чернобыльскую зону повышенные планы по сельхозпродукции, что бороться с последствиями Чернобыля — все едино, лишь бы в обойме. Только почему-то не верится, что такие стойкие оловянные с новым назначением переменились. Очень хотелось бы, но трудно поверить, что этот госкомитет станет говорить всю правду и не будет пускать на ветер чернобыльские «гробовые» миллионы. Чтобы разумно тратить деньги, нужно думать о людях и «крутиться», не щадя себя, как это делают «Дети Чернобыля», а таланты профессиональных номенклатурщиков лежат в несколько иной области.

Казалось бы, раз государство не может исправить дело рук своих само, так пусть хоть не мешает, а лучше поможет тем, кто, как комитет «Дети Чернобыля», делает это за него. Ан нет, нашего чиновника даже Чернобылем не проймешь. Реакторам бы такую устойчивость...

г. Минск.

Надеемся, что к моменту выхода номера финучреждения г. Минска уже проторили тернистые пути к счету комитета, поэтому для тех, кто хочет помочь детям Чернобыля, а не бюрократам в государственных фондах, публикуем его. Расчетный счет № 700813 в Минском коммерческом банке Горуправления Госбанка города Минска, МФО 400417, банк получателя 803161200, фонд «Детям Чернобыля». Сообщения о переведенных суммах просим присылать в редакцию на имя автора.

— Русская совсем оборзела...

В. ПОЛУХИН

ОТБИВНАЯ С ДЕРИБАСОВСКОЙ

Ох, эти кооператоры, ох уж эти разбойники! Ни стыда, ни совести. Ну прямо-таки саранча: все метут, хапают, грабастают. Покупают — перепродают, перепродают — покупают и навар в карман. Полки в магазинах опустошили, на базаре цены взвинтили — мошну набивают. Инфляцию породили, страну в кризис вогнали — сами деньги лопатой гребут. Мафию вскормили, теневую экономику вспоили — чулки и кубышки набивают. Двенадцать танков помните? Те, кооперативные, которые благодаря бдительному оку истинных патриотов буквально в последний миг перехватить удалось. Эти удалось, а кто знает, сколько уплыло за бугор незамеченными?

Что? Просите нас, граждан, успокоиться, умерить эмоции? Что? Они, кооператоры, утверждаете, вовсе и не разбойники? Да вы что, с дуба упали? Очнитесь, глаза откройте, посмотрите, что вокруг деется. Вот, скажем, туда, одесситы, поглядите, там, на углу Дерибасовской и Халтурина, еще недавно ресторан «Кавказ» был, а нынче что? Да, правильно, тоже ресторан, только кооперативный, и уже не «Кавказ», а ресторан Печеского. Кто такой Печеский? Бог его знает, говорят, был когда-то в дореволюционной Одессе такой воротила — денежный мешок, тут его ресторан якобы очень известный находился. Того воротилу-кровососа экспроприировали, теперь, пожалуйста, другой в лице кооператива «Радуга» объявился.

И отправились мы, авторы фельетона, в ресторан «Кавказ», то бишь ресторан Печеского. Приличный ресторан, на первый класс тянет. И по оформлению, и по части сервиса, и по посещаемости. А как, интересуемся у Эдуарда Георгиевича Хачатуряна, управляющего кооперативом «Радуга», было прежде в «Кавказе»? Да как было, отвечает, ввиду плохого снабжения в основном по части пончиков пробавлялись, за день рублей пятьсот — семьсот выручали, с планом честь по чести справлялись. Как, спрашиваете, у нас дело поставлено? Мы, собственно, месяц, как после ремонта-реконструкции открылись. Тысяч шесть за день выручаем, две тысячи чистой прибыли имеем... Ну, зачем, зачем, дорогой, присвистывать?.. Надо же знать, что у нас-то, в кооперативе, более восьмидесяти человек. К тому же и оркестр, и певцы, и всякое такое прочее. Как кормим? Хорошо кормим. Шведский стол посетителям предложили — в центре зала, на специальном столе тридцать холодных закусок: салаты-винегреты разные, икорка, семга-осетрина и прочее. Выбирай что душе угодно. Выбор первых и вторых блюд не меньше. В какую цену? По-разному. Эскалоп, скажем, пять рублей, ромштекс — шесть, если мясное фирменное — то и все восемь рублей. Не надо, не надо, дорогой, цокать языком. Разве нашу порцию сравнить с ресторанно-общепитовской? Нашу съел — два дня сыт будешь. Откуда мясо? Свое, собственное. Не глядите, не глядите на меня, дорогой, как удав на кролика.

Мы ведь этот «Кавказ» брали в аренду. Не так, как иные: не спросившись броду — с моста в воду. Мы еще до «Кавказа» синяков и шишек себе набили. До него «Кристина» была. Сто пятьдесят тысяч кредита в банке взяли да и вбухали в «Кристину» — маленький ресторанчик в арендуемом помещении. Горя хлебнули с ней: за каждым куском мяса — на базар. Ну, с овощами, крупами полегче — в магазине можно купить. С мясом же зарез: подашь из базарного мяса тот же эскалоп, посетитель сразу: грабители, разбойники! Чувствуем, «Кристине» с базарным мясом труба: либо ее в конце концов разнесут вдрызг, либо подавайся в банкроты.

И продали мы «Кристину». А мечту о ресторане все же оставили себе. Стали думать и гадать. И пришли к выводу — у ресторана должен быть твердый тыл, основа. Мотнулись по районам, людей экономически здравомыслящих ищем. Нашли. В колхозе имени Шевченко Раздельнянского района, что под Одессой, нам птичник-развалюху в аренду сдали. Отремонтировали мы ее, конечно, рядом домик жилой поставили, семью нашего кооператора туда поселили. Теперь на той ферме семьсот свиней откармливается. Наших, кооперативных. Не надо, не надо, дорогой, глаза закатывать. Все равно в колхозе тот брошенный курятник на корню сгнил бы. А мы за эту развалюху две тысячи рублей в год колхозу платим. Да еще всякую помощь оказываем.

Хватает ли теперь для ресторана мяса? Что значит хватает? А может, мы еще один ресторан намерены открыть. Тыл, тыл нужен. Вот мы в совхозе Котовского еще одну ферму и 400 поросят в аренду взяли. Теперь на этой ферме более тысячи свиней, шестьсот — семьсот, считайте, наши, собственные. Мы, сами понимаете, тоже не внакладе. Взяли в аренду ларек, будем мясом торговать. Думаем в том же совхозе взять в аренду и пасеку.

У вас какие-то сомнения? Даже недоумение? Не можете уразуметь, как это в совхозе, где столько людей, порядка нет, не могут найти управу на свиней, бычков, пчел и прочее? Считаете безобразием, что совхозные свиньи не хотят нагуливать жир, бычки от голодной тоски худеют, а пчелы на лету, как мухи, мрут? Отчего это происходит? Не знаю, не знаю, дорогой. Я коммерсант и в чужие дела не лезу, в тонкости не вникаю. Главное, у меня нагуливают, не худеют, не мрут. И для меня важно, чтобы и я, и мои партнеры выгоду имели, чтобы все было по-честному.

Что? Как у нас с кормами, с материально-техническим обеспечением? Вообще-то не густо. Корма колхоз и совхоз, согласно договору, выделяют, за деньги, конечно. А потом, скажу, вертеться надо. Понятно, если ты ходишь с пустой протянутой рукой, от тебя, как от прокаженного, все шарахаются. Если же на протянутой руке увесистый красавец окорок — ты всюду, особенно сейчас, гость дорогой. Окорок ныне самая дорогая валюта: хоть зубочистки, хоть шагающий экскаватор — все подвластно окороку. Только, повторяю, вертеться надо. Любить дело надо. И знать его надо. Откуда я знаю? А я после окончания института многие общепитовские должностные ступени пересчитал. Был и директором ресторана... Капиталу бы где перехватить — вот проблема. Задумка есть — свинокомплекс бы этак голов на десяток тысяч построить да теплицей обзавестись. Обратились в банк, дескать, дайте в кредит миллиона три. Ну, зачем, зачем, дорогой, языком цокать?.. Отказали. Конечно, говорят, вы свой прежний кредит — 150 тысяч — исправно возвратили, но — еще просите три миллиона! К вам, говорят, еще присмотреться надо, проверить, на что способны. Пусть присматриваются. Только время жаль — уходит.

А вы говорите, кооператоры — разбойники! Может, где и разбойники, да только далеко не все. И это надо понимать. Это ведь не кооператоры инфляцию породили и страну в кризис вогнали, а вовсе другие люди и ведомства. Зато они идеологически стерильны и социально неприкосновенны. Их начальство уважает... Но вот вытащат ли они страну из трясины — это еще вопрос.

М. ГОРБИС, Ф. ЧЕРНЕЦКИЙ.

г. Одесса.

ПАРОДИИ

Михаил ВЛАДИМОВ

МУРАВЕЙНИК ПОД МЫШКОЙ

Я притаился на большом стволе
Березы...
Я стал природой...
И шмель сердитый
сел на авторучку...
Анатолий ПАРПАРА.

На липу я залез
И притаился,
И превратился в руконогий сук...
Ко мне природа быстро привыкала.
Яйцо в карман подбросила кукушка.
Гриб-подколенник вырос под коленом.
Под мышкой шевелился муравейник.
Звенело в левом ухе, выло — в правом...
По мне струилось, ползало, скакало,
Росло, переплеталось, размножалось...
А я терпел.
И все бы ничего.
Как вдруг явился длинноклювый дятел
И стал стучать по черепной коробке.
Потом немного ниже, ниже, ни...
Я закричал: — Не надо! —
И проснулся.
И о приснившемся написал стихи.

ШИРОКАЯ НАТУРА

Я смогу одним плечом
Раскрылатить море...

Я могу другим плечом
В горизонт вграниться...
Сергей ОСТРОВОЙ.

Нет свободных лежаков
На приморском пляже.
Полустоя Михалков
Загорает...
Я же
Лег на правое ребро,
Море расплечистив:
В Евпатории — бедро,
В Судаке — ключица!
Лбом в Мисхор вгранился я,
Кадыком — в Алупку,
Опрокинув два буя,
Теплоход и шлюпку...

В КОПЕЕЧКУ!

Если любишь меня, говори мне про это,
Говори, говори, говори, говори.
Говори, говори — ты милей и красивей
всех женщин...
Павел ХМАРА.

Я пишу, я пишу, я пишу — вышла строчка.
Я пишу, я пишу, я пишу — вышло две.
Я пишу, я пишу, я пишу... Ставить точку?
Сорок тысяч «пишу» у меня есть еще в голове.
Если даже я их, например, поделю на четыре,
Десять тысяч возникнет моих «я пишу».
Если любишь меня, не ходи, не мелькай по квартире,
А не то я их пересчитать попрошу!
Сорок тысяч «пишу» — это много? Иль полунемного?
Пусть решает грядущий писательский съезд.
Но должна ты учесть, что при новой системе налогов
Твой любимый — не Ротшильд и даже не Крез!

Н. ШАМСУТДИНОВ

ТРИЕДИНСТВО

Прощай, Москва (Мадрид, Париж...)
Глеб ГОРБОВСКИЙ.

Я потерял свое лицо!
Где? В кегельбане (баре, бане)?
Но съел омлет (бекон, яйцо)
В кафе (столовой, ресторане).
И — вновь прекрасна жизнь с утра!
Я жажду счастья (смеха, песен),
Забыта грусть (тоска, хандра),
И я активен (молод, весел)!
Перо (стило, топор) достал,
А там — скорее, между нами,
В газету (альманах, журнал)
С романом (драмою, стихами).
Текут слова на белый лист —
Восторг (волнение, блаженство)!
Зоил (редактор, пародист)
Не вякнет про несовершенство.
Пишу, дыханье затая,
Давным-давно полна корзина.
А муза юная моя —
Лаура (Зина, Жозефина).
...Проснулся я,
В окне восход,
Меланхоличный (серый, скушный).
Кто за плечо меня трясет:
«Очнись, Горбовский (Шефнер,
Кушнер)!»

г. Сургут.

Вяч. ОРЛОВ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Зрелость.
Странное понятье,—
Так внушительно смешно...

Все, что óтжито, изжи́то,
отгорело и прошло,
ниткой памяти пришито...
...это надпись на заборе,
несъедобная на вкус.
Лариса ВАСИЛЬЕВА.

Размышлений захотелось.
Жизнь отжи́та, изжита́.
Я бы вспомнила про зрелость,
да уже не те лета.
Зрелость? Или недозрелость?
Что дороже? Как узнать?
Нынче я на зрелость взъелась,
надо нитки отрывать.
Перезрелость! Вот где море
буйства глаз и буйства чувств.
Дайте надпись на заборе
позабористей на вкус!

В гостях у Тиля

Р. БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ,
А. ПЬЯНОВ,
В. МОЧАЛОВ (рисунки) —
специальные корреспонденты Крокодила

Что знаем мы о Бельгии?

Вроде бы немало. Многих из нас впервые привел сюда гениальный Шарль де Костер, создавший народную эпопею о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке. Нам навсегда запомнилось и стало нашим знаменитое присловье Тиля: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!»

Ну а что еще?

Конечно, Морис Метерлинк с его «Синей птицей». И трагический Эмиль Верхарн — один из самых выдающихся поэтов Бельгии.

А кто не знает фантастический Атомиум, вознесшийся в Брюсселе на одной из первых всемирных выставок — ЭКСПО — и символизирующий прогресс человечества?

Редкий турист возвращается из Бельгии без традиционного и, пожалуй, самого популярного сувенира — фигурки «писающего мальчика». (Мы видели его. Он стоит в центре столицы, всегда окруженный толпой щелкающих фотоаппаратами иностранцев. Нам повезло: был день святого Николая, и мальчика нарядили в праздничные одежды. Из незастегнутой ширинки била неиссякаемая трогательная струйка.)

Вот, пожалуй, и все. Ибо брюссельская капуста и брюссельские же кружева не в счет.

Серж Снук открыл нам другую Бельгию.

«БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..»

Первым земляком, встретившимся нам в Бельгии, был... Михаил Сергеевич Горбачев! Он приветливо улыбался с обложки книги, выставленной в витрине гентского магазина. Рядом была... Раиса Максимовна! Книга о ней, написанная немецкой журналисткой,— бестселлер на Западе.

Исследуя витрину более основательно, мы обнаружили много старых знакомых. Неподалеку от номера газеты «Правда» возвышалась литровая бутылка «Московской» с этикеткой-сердечком, на коей было начертано: «Из России с любовью». По соседству с этим несокрушимым «символом России» разместились Чингиз Айтматов, Андрей Битов, Анатолий Приставкин и Виктор Ерофеев.

На следующий день выразительная композиция существенно изменилась: потеснив классиков на периферию витрины, в самом центре ее красовались «Крокодил» и несколько карикатур из журнала, извещавших жителей древнего Гента о том, что в городе временно обосновались советские сатирики.

И это были отнюдь не единственные приметы, свидетельствующие о возрастающем взаимном интересе наших стран друг к другу.

ВИТРИНА ЗАПАДНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ.

По улицам бельгийских городов бодро бегают наши «Лады». Преимущественно «восьмерки» и «девятки». Знатоки утверждают: хорошие машины, надежные, неприхотливые и, что особенно важно, дешевые. Больше стало желающих изучать русский язык: деловые связи множатся, широко переводится советская литература, растут ряды поклонников нашей культуры. Можно было бы привести массу убедительных тому свидетельств. Ограничимся одним, весьма характерным.

Крокодильский вернисаж в Брюсселе собрал десятки людей, как говорится, всех возрастов и профессий. Пришел бывший генконсул Бельгии в СССР, много сделавший для сближения наших стран. В инвалидной коляске приехал художник-любитель, давний читатель «Крокодила». Чета старых эмигрантов наслаждалась возможностью поговорить с «настоящими русскими». Солидная группа представляла сатирическую газету «Пан», посвятившую целый номер визиту «Крокодила» в Бельгию. Было шумно, оживленно, весело. А эта пожилая, скромно одетая женщина стояла в стороне. Наконец, решившись, подошла к нам и сказала, волнуясь и путая слова:

— Здравствуйте! Меня зовут Жаклин. Я очень любить... нет, простите, люблю ваш журнал! Он помог мне выучить русский язык. Я переводила ваших прекрасных гимнасток. Я много говорила с прекрасной Элиной Быстрицкой. Я хочу подарить вам протоколы соревнований.— И она протянула нам целую пачку аккуратных листков с результатами Кубка мира по художественной гимнастике.

Мы поблагодарили тетушку Жаклин, как потом называли ее, чокнулись апельсиновым соком и вручили ей крокодильские сувениры. Растроганная, она поведала нам, что специально приехала из Монса, чтобы побывать на выставке. Сейчас поедет обратно (да, сама водит машину), а завтра будет рада видеть нас в ее родном Монсе и принесет свои сувениры, потому что эта встреча дорога для нее. И еще — она любит нашу страну и желает ей счастья...

Мы шли по вечернему, наряженному к Рождеству Брюсселю. На улицах было пустынно — столица рано ложится спать. Плясали, переливались праздничные огни. Улыбались Санта Клаусы у покрытых синтетическим инеем елок. Им щедро отвечали улыбками три наши гигантские матрешки, вознесшиеся над хороводом огней.

Они явно нравились друг другу.

СНУК: ЧЕЛОВЕК И АЛЬМАНАХ

По классовой терминологии, которую так старательно заучивали мы прежде, Серж Снук — капиталист. Владеет издательством и типографией. Да еще какой...

Как-то, идя по сказочно прекрасному Генту, где история на каждом шагу, мы остановились у ничем с виду не примечательного здания.

— Этот дом мне особенно дорог,— сказал Серж.— Поглядите, вон там, вверху.

Мы задрали головы и под самой крышей разглядели в неверном свете сумерек выбитую в камне надпись: SNOECK.

— Твой дом? — спросили мы.

— Здесь когда-то была наша типография,— пояснил он не без гордости.

И ему есть чем гордиться: без малого три столетия занимаются Снуки издательским делом!

Если бы на нас были шляпы, мы, безусловно, сняли бы их перед Сержем. Но пого-

СЕРЖ СНУК.

да в тот день стояла теплая и головные уборы остались в гостинице. Поэтому свое восхищение Сержем, его верностью делу выразили словами. Потом, побывав в новой типографии компании Снука, добавили к прежним оценкам еще несколько весьма выразительных эпитетов.

Перед нами было безупречно налаженное, оборудованное современнейшей техникой производство. С ним управляются всего 70 человек, работающих в три смены. Кругом идеальная чистота и порядок. Ничего лишнего. «Кабинет» главы фирмы — скромный стол в отгороженном от цеха стеклянной стеной отсеке технических служб. И только!

Жилые комнаты семьи — под одной крышей с типографией. Уютно, просто, скромно, без шика. Совсем не по-капиталистически. Много книг, картин, статуэток. Много искреннего тепла и радушия.

Специализация снуковской фирмы — высококачественные альбомы по изобразительному искусству и архитектуре. И, конечно, знаменитый альманах. Но о нем чуть позже.

Итак, по классовой терминологии Снук — капиталист. По терминологии деловой — предприниматель. По духовной сути — интеллигент. И обликом своим, и характером, и манерами этот немолодой уже человек очень походит на старых русских интеллигентов.

Его рассеянность стала поводом для многочисленных шуток, которые наш хозяин принимал с доброй и мудрой улыбкой. Он был с нами с утра и до ночи. Всегда свежий, подтянутый, внимательный, готовый оказать услугу каждому, кто в этом нуждается. Странный какой-то капиталист.

В долгих дорожных разговорах узнали мы, что Серж хлебнул лиха на своем веку. Работал с малых лет. Учился традиционному для семьи ремеслу. В войну едва уцелел, добираясь на велосипеде из оккупированной Франции к себе на родину.

Много и увлеченно работал. Пристрастил к любимому делу двух своих сыновей. Сейчас они верные помощники в деле. К нашей стране отношение у него особенное. Как-то, рассказывая о своей жизни, он сказал:

— Все мы, европейцы, многим обязаны вашему народу, страшной ценой остановившему фашизм. Сегодня мы просто обязаны помочь вам в том деле, которое начал Горбачев.

А за окном машины летело неуютное, холодное Северное море, на берегах которого то и дело встречались ощерившиеся амбразурами бетонные доты Атлантического вала. Их оставили как памятники минувшей войны...

Любимое детище Сержа — альманах «Снук». Этот изящный, полиграфически безупречный объемистый том, туго набитый произведениями самых разных жанров, выходит один раз в год вот уже почти двадцать лет и распространяется фактически по всей Европе. Да и за океаном его знают. В «Снуке» можно найти произведения на все вкусы, полюбоваться репродукциями картин старых мастеров и современных художников, авангардными модами и фотографиями ню, прочитать увлекательный рассказ и актуальный репортаж... Стараниями Сержа в книжку «Снука» на 1991 год попал и «Крокодил», представленный доброй дюжиной карикатур. Это обстоятельство и стало поводом для нашей поездки в Бельгию. А четыре выставки сатирической графики журнала — своеобразное приложение к альманаху, призванное познакомить бельгийцев с советским юмором эпохи перестройки и гласности.

Судя по реакции посетителей вернисажей, многочисленным отзывам прессы, здесь хорошо разобрались что к чему, по достоинству оценили наш оптимизм и, кажется, поверили нам, когда на тревожные вопросы — выстоим ли? выберемся ли из кризиса? — мы убежденно отвечали: «Перезимуем!»

ОБЕД В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ

Профессор русского языка и литературы Гентского университета Каролина Мажд-Суп — женщина-цунами. Она обрушилась на нас со всей своей десятибалльной силой, едва мы переступили порог славянского факультета.

Каролина успевала все: разливала специально приготовленный чай, потчевала каким-то особенным печеньем, переговаривалась с коллегами, куда-то выпархивала, возвращалась, задавала десятки вопросов, сама же отвечала на них, показывала какие-то книги, весело смеялась, сыпала шуточками и пословицами. И все это на прекрасном русском языке.

В пять минут мы успели узнать, что она долгое время стажировалась в Москве («А правда, наш факультет очень напоминает МГУ?»), близко знакома со многими советскими писателями («Ах, как трагически рано ушел из жизни Юрий Трифонов!»), написала монографии «Чехов и женщина», «Эмансипация женщины в русской литературе и обществе» («А что вы думаете об этом? Вы за эмансипацию?»), много сил и времени отдает подготовке деловых людей, поддерживающих контакты с СССР («Скоро будем приглашать ваших бизнесменов и обучать их менеджменту на русском. У этой инициативы — большие перспективы»).

В общем, мы решили, что сам Бог послал нам эту удивительную женщину. Надо было видеть, с каким энтузиазмом, с какой гордостью представляла она своих воспитанников — студентов славянского факультета, повторяя:

— Сегодня и вопросы, и ответы только по-русски!

А потом, когда, вдоволь наговорившись с этими скромными и славными ребятами, мы покидали университет, Каролина, победительно поглядывая на нас, спрашивала:

— Ну, как? Они вам понравились? Мы все так ждали этой встречи! Вы не жалеете, что приехали к нам?

Мы не жалели. Более того, мы благодарили судьбу за то, что она свела нас с этой женщиной, которая одна делает, вероятно, больше для сближения наших стран, чем иные организации. Ее энтузиазм заражает, ее энергия рушит преграды и созидает. Спасибо вам, Каролина, за все ваши добрые дела и за эту встречу тоже!

Мы уже собирались попрощаться, но она замахала руками:

— Нет, нет! Мы поедем вместе на металлургический комбинат. С моим мужем. Он ведь не только преподает в университете, но и работает в акционерном обществе «Сидмар», которому принадлежит комбинат. Это совсем близко от города.

Нас представили господину Мажду, который приветствовал нас на столь же хорошем русском, как и его жена. И мы поехали.

Шел густой снег. Автострада была скользкой, но господин Мажд и не думал снижать скорость.

— Миленький мой,— ласково сказала Каролина,— чуть-чуть потише, а то мы проедем указатель.

— Хорошо, миленькая,— кротко ответил дипломированный водитель и улыбнулся нам. А мы улыбнулись им: эта пара, непринужденно болтающая на русском, была очаровательна.

Не скроем, поездка на комбинат, о которой мы узнали накануне от Сержа, не вызвала у нас большого энтузиазма. Металлургия — она везде металлургия, и нам доводилось бывать на отечественных гигантах этого профиля. Прессы, блюминги, прокатные станы... Жара, духота, лязг, грохот. Правда, привлекала в этом «мероприятии» возможность познакомиться с заводской столовой, отведать «пищу пролетариата», сравнить с нашим «индустриальным меню».

— Там, конечно, самообслуживание,— сказал один из нас.

— И гнутые алюминиевые вилки,— добавил другой.

— И ножи с дырками на рукоятке,— констатировал третий.

Между тем перевалило за полдень, а завтрак наш был ранним и легким, и мы, слушая веселые реплики Каролины, думали об одном: что будет раньше — осмотр или обед, пусть даже с алюминиевыми вилками.

Здание, в которое мы вошли минут пятнадцать спустя, мало походило на заводоуправление. Оно скорее напоминало престижное министерство: стекло, мрамор, сталь, великолепная мебель. Нас провели в гардероб, а потом предложили помыть с дороги руки. Значит, сперва обед! Мы воспрянули духом, но тут же были повергнуты в уныние: заводской туалет оказался электронным! Какие-то сенсорные штуки управляли спуском воды и полотенцами. Но какие именно?! Что-то тихо и уютно урчало, щелкало, пело, а мы затравленно смотрели в зеркала над раковинами, боясь нажать не ту кнопку.

Следующий удар по нашему самолюбию и прозорливости был нанесен, когда мы, наконец, оказались в «заводской столовой». В комнате с деревянными панелями и уютными диванами вдоль стен стоял всего один большой круглый стол. Возле него — невысокий плотный улыбающийся человек, совсем не похожий на официанта. Он подошел к нам, представился, и опять же на русском. Оказалось, что это Рене Брюк, президент акционерного общества «Сидмар», который и давал обед в нашу честь. Вот тебе и рабочая столовая! — подумали мы, правда, не слишком огорчившись.

Не станем описывать блюда, кои довелось нам отведать в тот день, ибо это было бы нечестно по отношению к читателям. Скажем только, что почти все из этого меню видели мы впервые. И больше, вероятно, никогда уже не увидим.

И все-таки беседа была интереснее трапезы. Наши хозяева с видимым удовольствием говорили по-русски. Более того, увлекшись, они яростно спорили друг с другом на русском, и тогда нам показалось, что мы не в Генте, а в Москве со своими соотечественниками, которые даже за торжественным столом не могут оставить производственные темы. Но что поделать: деловые люди везде одинаковы. А господин Брюк в высшей степени деловой человек. Многие годы сотрудничает с нашей страной «Сидмар» — один из солидных поставщиков стального листа для автозавода в Тольятти. Брюк часто бывает в СССР. Вот и теперь только что вернулся из Москвы. «Обедал с Николаем Рыжковым»,— поведал он нам. Получил старые долги, чем весьма доволен. Считает, что с нами можно и нужно иметь дело. Правда, производство налажено у нас из рук вон плохо. Скажем, на Кузнецком металлургическом комбинате производительность труда в пять раз ниже, чем на предприятиях «Сидмара». «Будем вам помогать, будем учить ваших деловых людей,— говорит Рене.— Это выгодно обеим сторонам».

По дороге в Гент весело обсуждали обед в «рабочей столовой».

Когда подъехали к городу, Каролина озабоченно спросила мужа:

— Миленький мой, ты знаешь, как проехать к их гостинице?

— Знаю, миленькая,— ответил он и через десять минут остановился у тихого отеля «Ибис».

Нам было искренне жаль расставаться с этими славными супругами.

— До встречи в Москве! — сказали мы.

— Или снова в Генте! — ответили они.

«КРАСНАЯ» ПЛОЩАДЬ В АНТВЕРПЕНЕ

Об Антверпене мы знали лишь, что именно здесь были основаны первый банк и первая биржа в Европе. И всех нас интриговало название города. Оказалось, что связано оно с, так сказать, таможенной легендой.

В приснопамятные времена, когда по морям еще ходили галеры, а море не откатилось на десятки миль на север, в районе удобной пристани проживал бандит-великан. Он стал первым таможенником этих мест, взимая с причаливающих к берегу торговых судов мзду — половину груза. Не желавших платить он, видно, искренне считал контрабандистами и забрасывал огромными каме-

РЕНЕ БРЮК.

ньями, топя суда. Со временем он стал топить все проходящие корабли, даже если они отказывались платить пошлину на том основании, что и причаливать не собирались.

В торговле наступал застой. Надо было как-то перестроиться. И вот нашелся моряк-смельчак, который бросил вызов таможеннику с большой дороги. Выяснилось, что великан велик, да глуп, паренек его быстро одолел, и в знак того, что с купеческих кораблей больше некому сдирать три шкуры, он отрезал кисть руки великана (и впрямь, не тащить же на берег всю тушу) и бросил ее на свой корабль. По-древнефламандски «ант» — рука, «верпен» — брошенная. И несмотря на то, что существуют и другие топонимические версии названия города, в его центре стоит памятник юноше, швыряющему куда-то «таможенную длань».

С тех незапамятных пор Антверпен — город свободной торговли, наводненный коробейниками со всего мира. Нас, к примеру, сводили на «Красную» площадь. Так называют местные жители небольшой торговый пятачок, на котором разместились лавки... наших бывших граждан. Вывески по-русски: «ВСЕ ДЛЯ МОРЯКА». Таблички у входа: «ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРЬ» и «ВЫТИРАЙТЕ НОГИ». Ну не любопытно ли? Зашли.

Кавказской наружности продавец (владелец? приказчик?) предлагал покупателям явно со среднерусской возвышенности золотые цепочки толщиной с колбасное кольцо. Продавец весьма убедительно доказывал, что «это — золото наивысочайшей пробы». Русичи с сомнением покачали головами и попросили показать серебро. В этот момент один из нас, оглядевшись и увидев, что товара в лавке — всякой твари по паре, спросил:

— А диск сцепления для «Жигулей-семерки» у вас есть?

— Ребятки, у меня все есть,— отозвался торговец, доставая весьма серебряную якорную цепь. То, что у него есть все, нам не понравилось даже больше залихватского обращения «ребятки». За три дня мы уже, признаемся, привыкли, что мы — «месье».

— А ремень генератора?

— Счас нарисуем!

Почему это «счас нарисуем» нам не понравилось больше всего, не знаем. Но мы бежали из «нашей» лавки, поняв, почему с такой иронией наши бельгийские коллеги называют этот торговый ряд «Красной» площадью.

ПЛОДЫ ЭФИРА

— Сегодня говорите по-английски,— попросили одного из нас, знающего французский язык куда лучше, чем английский. Просили по-французски, тактично. Но твердо. А дабы не было поползновений изъясняться во Фландрии не по-нидерландски, то в помощь дали очаровательную Астрид, студентку Гентского университета. Бельгийка греческих кровей, она знает множество языков. По-русски говорит лучше многих наших соотечественников, хотя он у нее, кажется, восьмой. Она стала нашим ангелом-хранителем на всю поездку, и без ее разъяснений некоторые проблемы Бельгии остались бы для нас неразрешенными. Например, проблема языка. Идет, оказывается, борьба за право одного из них считаться национальным. На нас повеяло чем-то родным: указами, баталиями на сессиях и съездах.

Но в Бельгии лингвистические сражения разворачиваются цивилизованно и локально: ни тебе заявлений о вмешательстве Фландрии в дела Валонии, ни объявления Брюсселя инакоязычным центром, узурпирующим власть.

Король бельгийцев Бодуэн говорит преимущественно по-французски? Ну и пусть. Зато таблички в Брюсселе с названиями улиц — на двух языках. Альманах «Снук» выходит на фламандском? Тоже не проблема — на французском он издается под названием «Скоп».

Надо признаться, что нам местные языковые проблемы вышли боком. Там, где можно было обойтись одной пресс-конференцией, пришлось давать две — журналисты разноязыких изданий меж собой не перемешиваются, как масло с водой.

Зато в Монсе — франкофонском центре Бельгии — пришлось говорить много и только по-французски.

И, признаемся, телерадиоцентр Валонии нам не сильно понравился. Лифт включается магнитной карточкой, двери в коридор открываются магнитной карточкой. По малой нужде — и то без карточки не сходишь.

Но неожиданно выступление в прямом эфире одного из нас принесло конкретные плоды. После рассказа о том, что «Крокодил» учредил благотворительный Фонд «Лекарство», прямо в студию позвонили по телефону.

— Я Мари-Кристин Ферир из международной организации «Врачи без границ». Мы будем распределять помощь вашей стране лекарствами и медицинским оборудованием. Европейское сообщество выделило на эти цели несколько миллионов экю*, и мы хотели бы воспользоваться вашим фондом.

От неожиданности у выступавшего иссяк словарный запас. Спас ведущий телепередачи, включивший после троекратного «мерси, силь ву плэ» крокодильца разудалый видеоклип.

А помощь лекарствами придет. Уже по возвращении в Москву состоялся вполне деловой разговор с «Врачами без границ», в котором были обсуждены конкретные мероприятия.

Так вроде бы информационный визит нашего журнала поддержал перспективную благотворительную акцию.

Гент — Брюссель — Монс — Антверпен — Москва.

* 1 экю — 1,25 доллара США.

СИМВОЛ БРЮССЕЛЯ — «ПИСАЮЩИЙ МАЛЬЧИК».

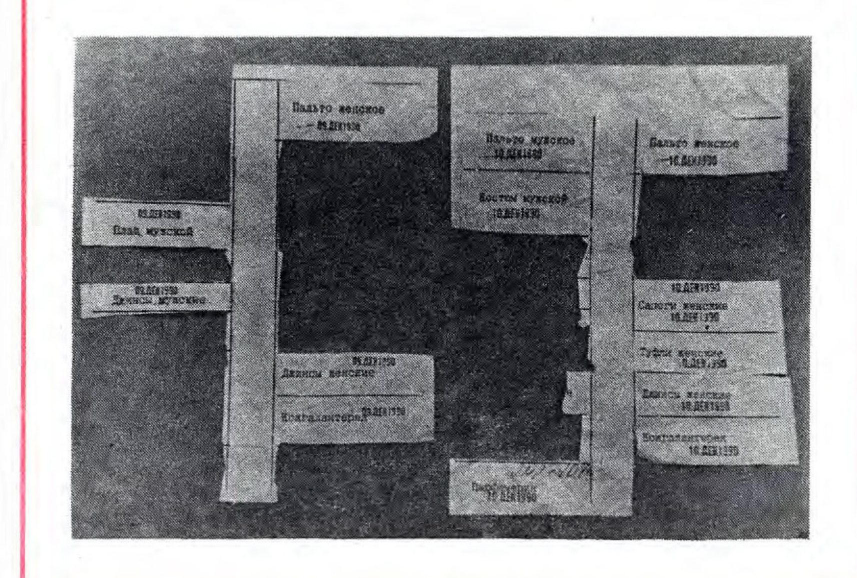
См. стр. 16.

ВНИМАНИЕ! НОВАЯ РУБРИКА: ПАРЛАМЕНТСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Да, такова жизнь, читатель. До этого вы знали много разновидностей фельетона — городской, экономический, семейный, судебный, политический, маленький, воскресный, субботний, средний (от слова «среда»)... Теперь вот предлагаем еще один — *парламентский*. Может быть, он окажется одновременно и городским, и экономическим, и семейным, и политическим, и воскресным, и субботним. Только, надеемся, не средним (от слова «никакой»)... В «Парламентском фельетоне», как мы планируем, будут представлены и проблемы, волнующие как самих парламентариев, так, конечно, и всех нас с вами, и конфликты, задевающие как народных избранников, так и нас с вами, и коллизии, заботящие как депутатов, так и всех нас с вами. Это и понятно: то, что происходит в парламенте с парламентариями,— это отражение того, что происходит и у всех нас с вами. «Парламентский фельетон» — это не только фельетон в узком понимании жанра, а как бы в старом, несколько забытом литературном смысле: и критическое эссе, и бытовые зарисовки изнутри парламента, со съездов и сессий, и памфлеты, и размышления, причем не только «нашего человека в парламенте», но и самих парламентариев. Итак, мы начинаем...

БЕРИ «ШАНЕЛЬ», ПОШЛИ ДОМОЙ...

О том, почему у нас одно — для всех, а другое — для избранных всеми

Есть повод порадоваться: свершилось! Парламент преобразился. Ну, конечно, не сам парламент как таковой, не Верховный Совет СССР, не орган народовластия. Нет, в этом смысле как раз все по-прежнему стабильно и незыблемо: никаких особых преобразований и приобретений. Каким он был, таким остался. Тем более когда отдал последнее, что у него было, Президенту — пусть, мол, сам расхлебывает эту кашу... Все отдано, кроме разве что... пиджаков, о чем, помните, доложил на четвертой сессии депутат Игитян. И это, конечно, не может не радовать, так как если еще и пиджаки отдать, и другие предметы первой необходимости, то уж точно не выйти из тупика: где их сейчас купишь-то, эти треклятые пиджаки? Не говоря уж о предметах. Впрочем... не так, оказывается, все безысходно. Я ж и говорю: **парламент преобразился.**

В самом деле, разве может кого-нибудь оставить равнодушным такая, к примеру, картинка: в один прекрасный декабрьский день появился в зале заседаний союзного парламента этакий прелестный десант, а конкретно — целая группа изысканно «прикинутых» (так и тянет при виде всего этого на жаргон, что по-русски означает — «одетых») представительниц слабой половины нашего сильного парламента. И до того-то очаровательные, но до поры умело скрывавшие свое очарование депутатши стали вдруг еще ярче и эффектнее — явились на очередное пленарное заседание как на праздник (хотя повода никакого для излишней радости, естественно, не было): в роскошных мохнатых джемперах из ангорки, да еще с какими-то блестками на груди! И все — в сиреневых как на подбор. Этакая блистательная команда в «фирмé»!

Ясное дело, от такого непривычного праздника в парламенте у мужчин стали разбегаться глаза по сторонам. Правда, не у всех поголовно мужчин. И даже не у квалифицированного большинства. Точнее, преимущественно у гостей сессии — приглашенных министров, академиков и членов-корреспондентов, а то и просто корреспондентов. У меня, например.

Основной же списочный состав суровых мужчин-парламентариев увиденному сиреневому десанту не сильно поразился. И чего ж, спрашивается, особо поражаться, когда сам... в новом пиджаке? И в брюках. В костюме с иголочки. Тоже, между прочим, не с фабрики «Парижская коммуна»... Словом, теперь-то уж ничего не страшно — можно со спокойной совестью кому угодно вместе с полномочиями и старые пиджаки отдать. Не жалко...

В общем, практически в зале заседаний в тот день никто, кроме упомянутых гостей, ничему не удивился. Всем все было понятно. Значит, связывала понятливых одна общая тайна...

Но мы же с вами прекрасно знаем: даже самая тайная тайна, если она одна на полтыщи человек,— это уже никакая не тайна. И просочилась-таки в коридоры власти любопытная информация: 8, 9, 10 декабря истекшего года, а именно в субботу, воскресенье и понедельник, погрузили парламентариев в специальные автобусы и повезли... отовариваться (опять тянет на жаргон, а как еще приличней назовешь-то?).

Ну, оглашением самого-то по себе данного факта отоваривания депутатов мы вряд ли открыли Америку. Читающая прессу публика имела возможность вычитать подобное в ряде декабрьских ежедневных газет. Мы же, чуть приподнявшись над локальными фактами, с грустью вынуждены констатировать: все происходит, к сожалению, в строгом соответствии со старыми добрыми традициями — в спецавтобусах, в спецмагазин, на спецприобретение того-сего по, естественно, спецталонам. Как раз по тем, которые, между прочим, на фото. А в урезанном виде они на фото по естественной причине происшедшего отоваривания: приобретена покупка — оторван соответствующий квиток...

Да, совсем забыл: чтоб читатель, упаси Боже, по ошибке не порадовался за корреспондента, сразу же предупрежу, что запечатленные фотомастером бумажные спецогрызки с барского стола не были использованы журналистом по их прямому назначению. Нет, они привлекли его чисто профессиональный интерес. Что же, спрóсите, так уж привлекло? Ну... во-первых, необычность документа — все-таки не каждому дано... Во-вторых, некая загадочность сего текста, когда удалось познакомиться с ним в первом чтении: слова увидел в нем... порядком уже подзабытые в этой жизни,— «Плащ мужской», «Джинсы женские», «Кожгалантерея», «Пальто мужское», «Сапоги женские», «Туфли женские»... Вот вроде какая-то несчастная бумажка, а сколько же в ней счастья, а?! Но больше, конечно, вопросов. Например, такие: а где же, интересно, все эти забытые понятия продаются-то? Где — сапоги? Где — пальто мужские? Где — джинсы, хоть мужские, хоть женские, любые? ГДЕ?

Нет ответа. Потому как нет на спецдокументе ни спецштампа спецмагазина, ни спецфамилии спецпродавца. Стало быть, состоялось у депутатов з а к р ы т о е спецзаседание, когда посторонних просят выйти вон. Почему? Очень просто: чудо-талоны доступны не всем, а только избранным. Причем избранным всеми...

Вон сколько вопросов возникло уже в первом чтении. А во втором чтении — такой, может быть, дурацкий: почему у н и х, моих, грубо говоря, избранников или, как раньше заучивали, с л у г н а р о д а, то есть и моих как бы слуг, имеются в наличии эти симпатичные бумаженции с забытыми словами, а у меня, которому о н и, с л у г и, служат,— совсе-ем другие, отнюдь не такие симпатичные бумажки, врученные мне недавно под расписку угрюмым человеком из жэка?..

А в третьем, четвертом и всех последующих чтениях сам собой возникает и такой, не менее дурацкий вопрос неизвестно к кому: почему на другой же день после использования чудо-бумажек по прямому назначению мои слуги являются на работу как на праздник, а именно — во всем импортно-сиреневом, да еще и остро пахнущие самой что ни на есть французской косметикой, всеми этими «Шанелями» да «Пуазонами», а я?.. А я свой жэковский талон не в состоянии использовать не только по прямому назначению, но и по косому: в моем угловом «спецмагазине» под уникальным названием «Промтовары» на весь этот талон дали полную возможность — эх, гулять так гулять! — приобрести на всю положенную моей семье сумму аж в 250 целковых... домашние тапочки производства КНР... Нет, повторяю, возможность-то мне была предоставлена как раз полная, как и миллионам моих сограждан. Просто... **товара не было в наличии,** вот и все. А возможность как таковая была, ничего не могу сказать. Возможности у нас с депутатами почти что равные, а вот наличие товаров разное... А «почти» — потому как 3000 рублей, «положенные» для отоваривания моих избранников, согласитесь, не вполне то же самое, что «положенные» же 250 мои... Но тут уж не до жиру, пусть бы «положили» на полки хоть что-нибудь. А не только возможности.

...Надо было видеть выпученные глаза иногородних коллег-журналистов, проживающих в одной гостинице с депутатами, когда они, коллеги, пришли назавтра в пресс-центр и рассказывали о своих вчерашних впечатлениях в гостинице: с трудом выбиравшиеся из спецавтобусов, раскрасневшиеся от плотного общения с товарным дефицитом, уважаемые наши парламентарии обоего пола, обвешанные тяжеленными баулами с обновками первой и второй необходимости, как говорится в народе, усталые, но довольные, еле тащили ноги в свои номера после столь насыщенного событиями дня. Хорошо еще, что 10-го, в понедельник, специально для отоваривания освободили на это святое дело полдня пленарного заседания...

И все равно готов порадоваться за удачливых избранников: носите на здоровье! В самом деле, почему человеку не купить себе костюм мужской, тем более импортный, или джинсы женские, тем более «фирмý», и уж подавно самые-самые французские «Шанели» и «Диоры»? Да ради Бога! Разве профессору из Ленинграда, и ткачихе из Иванова, и чабанше из Узбекистана, и вообще любому гражданину зазорно щегольнуть в парламенте страны в ангорской кофте или даже в хлопчатобумажных носках? Кто против? Все, уверен, за. И я — за! Категорически нажимаю кнопку «за» и могу даже в виде исключения, как это принято в нашем парламенте, нажать эту кнопку и зá кого угодно из отсутствующих. Но есть у меня замечания, так сказать, по отдельным пунктам. Есть что сказать у второго микрофона и по мотивам голосования. А может, и по процедуре, как уж получится. Включите мне, пожалуйста, второй микрофон. Спасибо. Итак:

— Конечно, все вышесказанное, уважаемые депутаты, как и вся проблема в целом,— разговор не в пользу бедных. Иными словами, вся проблема — от нашей н и щ е т ы: кому бы в самом деле пришло в голову осуждать человека за то, что он что-то там себе такое... купил? Или даже д о с т а л?

Ну, в н о р м а л ь н о м-то обществе это ж полный нонсенс. Купил, значит, так **захотел.** Значит, есть **на что** купить. Не говоря уж о том, что есть **что** купить... Правда, это — в нормальном обществе. А у нас, у советских,— собственная гордость, помните? А больше, кроме нее, ничего собственного пока, к сожалению, нет.

И вот в этот ответственный период, когда мы все как один, с полуголодным блеском в глазах, медленно, но верно зверея, привычно скрипя зубами, с утра пораньше — до работы! — занимаем очередь за носками мужскими или колготками женскими, за мылом или спичками, за сливочным маслом или за любым другим маслом, за сигаретами, молоком, детским питанием или за всем-всем-всем остальным, когда перед нашим носом все-все-все, конечно, кончается, когда от края и до края, на широких просторах нашей Родины торговля превратилась в р а с п р е д е л е н и е, а продажа — в в ы д а ч у, и не столько за советские деньги, сколько за советские же карточки, визитки, талоны, купоны и паспорта,— так вот, в такой ответственный период все эти прóклятые купоны, талоны и прочие визитки и карточки должны быть у нас всех о д и н а к о в ы м и. Равно обеспеченные (или равно же необеспеченные) товарами. То есть общество, хоть оно и нищее сегодня, должно быть все-таки обществом р а в н ы х возможностей. Как для избранников народа, так и для народа, их избравшего.

А есть, между прочим, избранники, которые понимают это и не пошли навстречу соблазну спецотоваривания. Порвали свои спецталоны с подзабытыми словами, не захотели в глазах избирателей выглядеть нескромными людьми, забывшими об общей нашей нищете.

Но ведь наша общая нищета — наша же и беда. И тоже общая. Всех нас — и избирателей, и депутатов. И, может, от признания сего факта нам не становится легче, но от того, что беда о б щ а я, так сказать, одна на в с е х,— все-таки чуть-чуть легче. Недаром ведь в народе считается: если одна беда — на двоих, то это уже и не беда, а полбеды. А представляете, если попробовать разделить ее поровну на все 280 миллионов нас, а? О том и речь. Спасибо за внимание.

Григорий КРОШИН.

В. ТИЛЬМАН.

Л. СТОРОЖУК, г. Харьков.

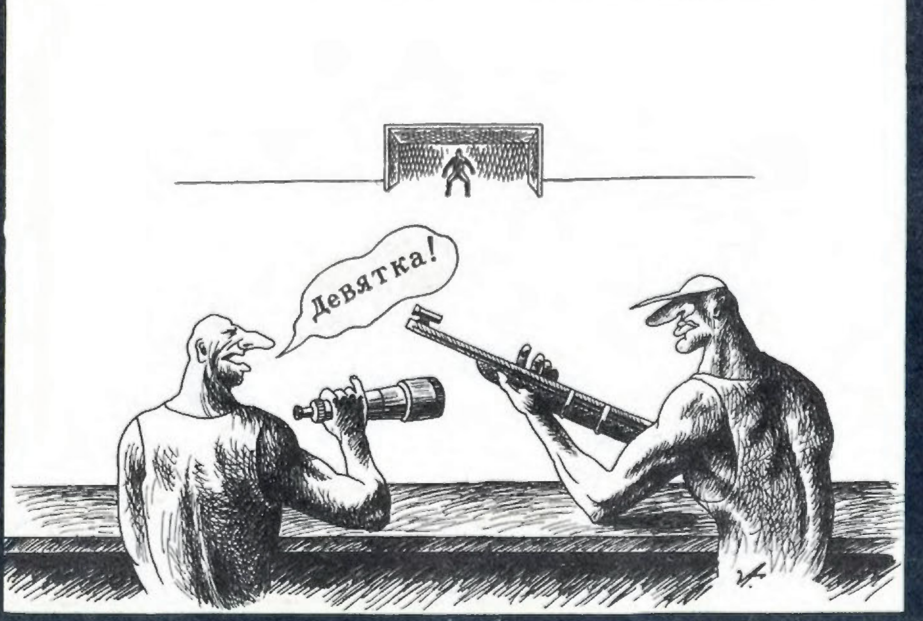

— Бутерброды с икрой наворачиваешь?
— С мотылем!

В. ЛУГОВКИН.

Д. КОНОНОВ, г. Пермь.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

Н. ВОРОНЦОВ, г. Ленинград.

Александр ХОРТ

НОМЕР ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Сатирическая повесть

Окончание. Начало см. №№ 3, 4.

На следующий день Ляпичкин сидел в редакции, когда к нему заявилась группа мужчин.

— А что вы, любезные? — спросил Альфонс с безразличием человека, привыкшего к постоянным визитерам.

Один из них объяснил:

— Мы, группа торговых работников, хотим обратиться в газету.

— А что вам угодно?

— Хотим выступить в печати против одного из кандидатов в депутаты городского Совета, от которого торговля терпит много притеснительств.

— От кого?

— От нынешнего председателя горсовета Сквознякова. Такого мэра никогда еще не было. Такие обиды чинит, что писать нельзя. Совсем заморил, хоть в петлю полезай. Если бы то есть чем-нибудь не уважали его. А то уж мы порядок всегда исполняем: что следует из импорта супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало — ей-ей! Придет на базу и что ни попадет, все берет: вельветовую ткань увидит и говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь.

— Неужели? Ах, какой же он мошенник!

— Ей-богу! А страдают в результате покупатели — приходится нам их потом обмеривать, чтобы не оказаться в убытке. Такого мэра никто не запомнит. То есть не то уж говоря, чтоб какой деликатес, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, его в привокзальной столовой не будут есть, а он целую горсть туда запустит.

— Да это просто разбойник,— подтвердил Ляпичкин. Рассказ все больше начинал интересовать его.

— На день рождения уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается,— вступил в разговор еще один представитель.— Нет, ему еще подавай: говорит, по старому стилю тоже отмечает.

— Мы тут постарались изложить на бумаге те его подвиги, которые вспомнили,— сказал лидер торговцев, протягивая Альфонсу Васильевичу толстую папку.— Если вам покажется интересно, то вы, возможно, обработаете этот материал в литературном виде.

— Хорошо, представлю в виде фельетона.

После ухода торговцев в комнату заглянула моложавая женщина. Вела себя крайне робко, чувствовалось, в редакции впервые. Одета во все отечественное.

— Что вам нужно? — строго спросил Альфонс Васильевич, с такой мосты наводить ни к чему.

— Я жена слесаря Пошлепкина. Написала жалобу.

— На кого?

— На председателя нашего горсовета,— сообщила женщина, и вдруг ее словно прорвало: — Пошли ему бог всякое зло, чтоб ни дочке его, ни ему самому, мошеннику, аппаратчику, ни жене ни в чем никакого прибытку не было.

— А что случилось?

— Квартиру нашу другому отдал, хотя мы с мужем первые на очереди десятки лет стояли.

— Как же он мог это сделать?

— Сделал мошенник, сделал аппаратчик. Чтоб его, гада, все другие кандидаты на выборах обошли! Тут, как назло, супружница его, кобыла кривоногая, шила платье себе у портнихи Пантелеевой. А у той сын запойный, ей с ним невмоготу жить. Она возьми и уговори Сквознякова через его телку грудастую, чтобы первую квартиру отдать ее пьянчужке. Я как прознала про это, записалась на прием. Председатель и говорит мне: на что тебе такая квартира — на третьем этаже без лифта. Портнихиному сыну, говорит, ее подсунем. Пусть топает по этажам своим ходом, все лучше, чем водку дуть. Иначе портниха станет переживать, рука дрогнет, и линия на платье получится не такая, какая надобна заказчику.

— Ишь ты — о клиентах позаботился, аппаратчик,— хмыкнул Ляпичкин, принимая от Пошлепкиной жалобу.— Попробую вам помочь.

Следом за Пошлепкиной явилась женщина в ярко-красной кофте и зеленой юбке.

— Я возмущена до глубины души!

— Кем?

— Председателем горсовета.

— В чем дело?

— Премии лишил.

— Как?

— По ошибке. Я сама работаю в исполкоме. У нас две сотрудницы написали друг на друга анонимки. Местком, не разобравшись, обвинил в обеих анонимках меня. А председатель возьми да и лиши меня премии.

Получив обильный материал для очерка о кандидате в депутаты, Ляпичкин ощутил себя на седьмом небе. «Экое дурачье! Расскажу-ка я обо всем Антону Антоновичу. Дам ему эти жалобы... А себе оставлю копии. Если с Машкой дело не выгорит, такой фельетон закачу! Ну-ка теперь, Сквозняков! Посмотрим, кто кого!»

* * *

Поскольку даже неожиданно для самого себя Ляпичкин известил Анну Андреевну о своем страстном стремлении жениться, они с Машей подали заявление в загс. Вскоре невеста пригласила жениха домой на официальный обряд — смотрины.

После застолья мужчины, попыхивая сигаретками, обсуждали насущные проблемы жизни.

— Ко мне неделю назад торгаши приходили, на вас жаловались,— сообщил журналист заплетающимся языком.

— Честью уверен, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обвешивают и обмеривают народ.

— Приходила и Пошлепкина с жалобой.

— Какая такая Пошлепкина? Сроду не видал.

— Многодетная жена слесаря. Та, которой вы не дали квартиру.

— Не верьте, не верьте!

— Да я и не верю,— успокоил журналист без пяти минут тестя.

— Это такие лгуны... Им вот ребенок не поверит.

— Иванова из исполкома приходила...

— Эта кикимора что забыла в редакции?

— Утверждает, что вы понапрасну влепили ей выговор.

— Налгала. Она сама себе выговор влепила... Ну, погодите у меня...

Годить жалобщикам пришлось недолго. Через день-другой Сквозняков вызвал торговых работников, которые накатали на него «телегу».

Когда все приглашенные расселись по обе стороны длинного стола, Антон Антонович без излишней официальности спросил:

— Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш?

Отсутствие повестки дня и задушевные нотки в голосе председателя горсовета вызвали среди работников прилавка минутное замешательство. Но они толком даже не успели сообразить что к чему, как все стало на свои места.

— Что, рожи дефицитные, жаловаться?! — зарокотал хозяин кабинета.— Архиплуты, надуватели, жаловаться?! Знаете ли вы, что тот самый журналист, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я вас сам через газету прищучу!.. У, семя крапивное, обманываете народ честной. Сделаешь вам заказ для швейной фабрики, на сто тысяч надуете ее, поставив гнилого сукна, и вы же еще недовольны!..

— Виноваты, Антон Антонович! — понурили головы торгаши — кое в чем Сквозняков действительно помогал им.

— Жаловаться? — не унимался тот.— Думаете, демократия — это вседозволенность!.. А кто вам помог сплутовать, когда строился новый мост через Теремковку, и вы написали дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Что скажете, а?

— Лукавый попутал, Антон Антонович,— залепетал торговый лидер, тот самый, который излагал жалобу в редакции.— Наша вина.

— Не погубите, Антон Антонович! — взмолились в голос.

— Не погубите. Теперь — не погубите, а прежде что? Я бы вас, лицемеров...— Он устало махнул рукой.— Ну да бог простит! Я не злопамятен. Сам живу и даю жить другим. Только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю замуж единственную дочку. Чтоб поздравление было... сами понимаете. Не то чтоб отбояриться каким-нибудь электрическим утюгом или серебряным подносиком... И о музее — помните! Наша гордость!

* * *

Худо-бедно семейство Сквозняковых и приглашаемые ими шабашники продолжали пестовать учреждение исторического профиля. Начитавшись методичек, Маша уже приблизительно соображала, что следует отразить, показать и пропагандировать в новом музее.

Торжественное открытие решили приурочить к третьему воскресенью июня, когда по всей стране широко праздновался День работников жилищно-коммунального и бытового обслуживания населения.

Само собой подразумевалось, что приглашениями будет одаривать крестный отец музея Антон Антонович. Для обсуждения этой проблемы он созвал дома совещание, на котором, помимо него, присутствовала жена, то есть кворум имелся. Надо сделать так, чтобы билеты достались нужным людям. Однако в процессе обсуждения выяснилась одна деталь — во всем городе семейству Сквозняковых никто не нужен. Их расположения добиваются очень многие. А вот им добиваться чьей-то благосклонности ни к чему.

Когда на следующий день Александр Теодорович спросил по телефону у Сквознякова, кому рассылать пригласительные билеты, тот процедил:

— Кому хотите, тем и рассылайте.

О подобной удаче Пороховой мог только мечтать.

Конечно, директор любой нашей гостиницы — человек авторитетный. Свободных мест нет всегда, во всяком случае тогда, когда они нужны позарез, и люди заинтересованы в ночлеге. Однако в Теремковске, помимо «Пассажа», имелась еще одна гостиница — новая, с душем в некоторых номерах. Она называлась «Зенит». И хотя «Пассаж» тоже не пустовал, гости предпочитали останавливаться в более комфортабельной. Поэтому директор «Зенита» был шишкой крупнее, чем Пороховой. Но каждый свой шанс приблизиться к конкуренту Александр Теодорович старался использовать на полную катушку.

Количество гостей никто не ограничивал. Поэтому Пороховой и его жена взялись за дело засучив рукава.

Они подошли к делу по-научному. Угробив два выходных дня, составили список людей, которым нужно во что бы то ни стало послать приглашение. Список получился внушительным — следовало разослать 142 билета, на два лица каждый.

Итак, они тщательно продумали все кандидатуры, жизнь потекла своим чередом, а когда из типографии прибыли билеты, хватились — нет списка. Перечислить, где Пороховые его искали, значит, сделать полную опись имущества их квартиры. Однако треклятого списка так и не обнаружили.

В конце концов Александр Теодорович предложил:

— Надо сесть, сосредоточиться и составить список снова. Я помню, там было 142 адреса.

Над реставрацией списка Пороховые бились целый вечер, не жалея сил. Чем длиннее он становился, тем труднее и труднее делалась работа. Наконец они вспомнили 140 адресатов, которых необходимо, жизненно важно пригласить на открытие. И хотя силы были на исходе, продолжали искать еще двух. Но именно эти два никак не приходили в голову.

— Нину из мебельного записал? — спрашивала жена.

— Да. Вот Нина из мебельного,— нервно отвечал муж.

— Качалкину из обувного?

— Вот она — восемьдесят четвертая.

— Лосеву записал?

— Святое дело — в книготорге работает.

— Зину из универмага?

— И Зину, и ее напарницу Свету, и зав. секцией Февронью Петровну — всех троих записал на открытие.

— Автосервис?

— На месте.

— Зубную врачиху?

— Ты с ума сошла,— обиделся муж.— Разве я могу забыть стоматолога?!

— А мою портниху ты забыть вполне можешь.

— Ой, неужто пропустил?! Ну-ка, ну-ка, ну-ка... Буриданов, Хлебобулатов, Дюжин... Фу-у! От сердца отлегло, понимаешь ли. Вот она — Пантелеева. А ты боялась!

— Администраторша из филармонии где?

— Первой записана.

Так и не обнаружив пропащих, измочаленные непривычной умственной работой, Пороховые завалились спать. Однако сон не шел. Оба ворочались с боку на бок. Голову свербила мысль: кого они могли упустить? Кого ненароком обидят, в ком наживут врага, оставив без приглашения на престижное мероприятие? Ведь привычку задабривать нужных людей они впитали с молоком...

— Вспомнил! — вдруг ликующе закричал муж посреди ночи.

— Ну? — вытянув жилистую шею, жена напряглась в ожидании.— Говори скорей, не томи.

— Родителей забыли — твоих и моих.

— Верно,— просияла жена.— Сейчас же запиши. Не то к утру снова забудем.

И после этого Пороховые спали спокойно.

Да и вообще город спал спокойно. Бодрствовали лишь те, кому это положено по долгу службы — водители общественного транспорта, дежурные операторы ТЭЦ, сторожа ювелирных магазинов... И еще один теремковец не смыкал глаз. Когда его жилище покинули проигравшиеся в дым партнеры по преферансу, Ляпичкин начал строить материал, который обещал утром принести в редакцию.

* * *

И ВЕРЕВОЧКА
В МУЗЕЕ ПРИГОДИТСЯ
(репортаж, опубликованный
в газете «Вечерний Теремковск»
17 июня 1990 года)

Когда-то слуга Ивана Александровича Хлестакова, всем нам хорошо известный Осип, получил на память от гостеприимных теремковских купцов веревочку, которая, по его твердому убеждению, могла пригодиться в трудной, полной всевозможных лишений дороге. От Осипа она перешла к его сыну, жена которого презентовала семейную реликвию своему племяннику в день свадьбы. Потом следы веревочки теряются... И вот после неведомых странствий она нашла пристанище в старинной гостинице «Пассаж», в том самом «пятом нумере под лестницей», где в середине сороковых годов прошлого века (по старому стилю) останавливались Хлестаков и Осип. Ныне вся жилплощадь номера отдана музею.

...Я приехал в мемориальный номер-музей, когда здесь находились в разгаре последние перед открытием хлопоты. Сегодня номер предстает нашему взору таким, каким его видел Иван Александрович. Тот же пол, те же щели в стенах, на потолке дранка в черной трухе...

Директор номера-музея Марья Сквознякова с плохо скрытой гордостью показывает мне последнее поступление — миниатюрный портрет Ляпкина-Тяпкина с борзыми щенками в натруженных руках.

В экспозиции вообще много портретов. Здесь представлены люди, которых Хлестаков знал, с кем он дружил. Вот портрет пехотного капитана, который запечатлен в тот момент, когда удивительно хорошо срезывает штосы.

Иду дальше. Какой неожиданный реприманд открывается моим глазам на каждом шагу. Пахнет паркетным лаком и валерианкой. Зато не пахнут деньги, которые Иван Александрович получил от чиновников. Эти купюры восстановлены по чертежам.

Известно, что на приеме в честь высокого гостя в одном из богоугодных заведений Хлестакову пришлась по душе рыба лабардан-с. Сама рыба до наших дней не сохранилась. В экспозиции будет представлен лишь ее макет в натуральную величину, созданный по свидетельствам старожилов.

Напротив рыбы, прямо на стене, висит монументальное полотно опытного художника-примитивиста З. Филькенштейна «Купцы преподносят Хлестакову кузов вина и сахарные головы».

По воспоминаниям очевидцев, Иван Александрович иной раз неудачно понтировал и спускал в карты все до последней рубашки включительно. Поэтому личных вещей Хлестакова в экспозиции нет. Зато есть личные вещи его современника — смотрителя богоугодных заведений А. Ф. Земляники. Личными, правда, их можно назвать с большой долей условности. Это колпаки, предназначенные для больных. То есть, по сути дела, казенные. Но царские сатрапы не проводили резких границ между «чужим» и «своим», беспардонно присваивая себе больничное добро.

Со временем планируется создать в «Пассаже» целую охранную зону, куда, помимо номера-музея, войдет и буфет первого этажа, где раньше размещался трактир. Проголодавшихся в хорошем смысле этого слова посетителей будут ожидать фирменные блюда — суп и жаркое, не отличающиеся по вкусу от тех, которые подавались в номер Ивана Александровича.

Одним словом, экспозиция получилась богатой и представительной. Есть на что поглядеть! Не за горами то время, когда гостеприимные сотрудники «Пассажа» обратятся к посетителям с идущими из глубины сердца словами:

— Милости просим к нашему шалашу!

Т. Козырный.

* * *

И вот наступил великий день в жизни города Теремковска.

Словно железные опилки к магниту, люди начали стягиваться к «Пассажу» задолго до открытия музея. У входа в гостиницу останавливалась одна легковая машина за другой. Поток счастливых обладателей пригласительных билетов заполонил первый этаж и лестницу. О том, чтобы жильцам попасть в свои номера, и речи не шло — коридор забит до отказа. Покинуть номер можно, лишь выпрыгнув в окошко. Одно слово — праздник. Все женщины расфуфырены, мужчины — тоже. Принарядился и Александр Теодорович — он надел новые кроссовки, которые достала ему Качалкина из обувного (по списку она — восемьдесят четвертая). Да, по заветному перечню Пороховых уже кворум, все приглашенные в сборе, ожидают лишь Антона Антоновича с присными. Но чу! Вот и они — впереди шествует, расточая пряничные улыбки, гладко выбритый председатель; на нем еще теплая после утюга рубашка, галстук, разумеется, куда же по тридцатиградусной жаре без галстука. Вот Антон Антонович демократично обменивается с собравшимися горожанами рукопожатиями и согревает окружающих довольным взором. Там, где он стоит, сам собой образуется центр торжества. Сейчас туда поднесут микрофон на стойке. Сквозняков достанет из кармана пиджака вчетверо сложенный лист бумаги, очки и произнесет приветственную речь... Но почему он тянет время? Почему ход мероприятия сбивается с должного ритма? Послышались резкие голоса. Непонятная тревога охватила присутствующих... Однако, прежде чем объяснить причину задержки, давайте выкинем ловкое коленце в духе Кортасара и вернемся в прошлое — к тем дням, которые можно назвать зарей возникновения музея.

После памятного развала «Равнины» на две равновеликие части, между «Высью» и «Глубью» с каждым днем ширились и крепли антагонистические противоречия. Каждая инициатива одного общества моментально вызывала противоречивую реакцию второго. Не будем утомлять внимание читателей многочисленными примерами. Достаточно одного — когда «Глубь» публично выступила за трезвый образ жизни, у Насонова и Бессонова, которые раньше капли в рот не брали, начались запои.

Поскольку идея с музеем Хлестакова принадлежала «Выси», перед «Глубью» стояли две задачи. Первая — добиться собственного успеха. Вторая — свести на нет достижение противника.

Ребенку ясно, что в любом деле добиться успеха самому сложно. Гораздо доступней и привлекательней выглядела дискредитация врага. Поэтому члены «Глуби» — простите за каламбур — углубились в исторические изыскания. Увы, тщетно. Сведения о пребывании Ивана Александровича в их городе документально не подтверждались, но и не опровергались. В отчаянии им пришлось обратиться к первоисточникам. Они начали читать произведения Гоголя, часть из которых последний раз держали в руках, будучи школьниками младших классов, а остальные — раскрыли впервые в жизни. И здесь их подстерегала удача...

Итак, на чем мы остановились? Председатель исполкома был готов произнести речь — уже надел очки. Но тут послышался шум, раздались голоса на повышенной ноте: два человека прорывались явно к Антону Антоновичу. Оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожие друг на друга. Оба с небольшими брюшками. Это были Житков и Кипятков. С трудом прорвавшись сквозь плотные ряды приглашенных, они остановились перед Сквозняковым, словно космонавты перед председателем Государственной комиссии, и Житков отрапортовал:

— Антон Антонович! Номер, который вы приняли за хлестаковский, не его!

— Как не его?!

— Так не его,— перехватил инициативу Кипятков.— Мы, члены историко-патриотического общества «Глубь», выступаем против фальсификации истории.

— И за бережное отношение к нашему наследию,— вставил Житков.

— И за бережное отношение к нашему наследию. Именно к таковому принадлежит гостиница «Пассаж». Послушайте.— Петр Иванович раскрыл томик небольшого формата.— «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа: нижний не был выштукатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою...»

Кипятков захлопнул книжку, и Житков обратился к присутствующим:

— Узнали описание этого здания?

— Узнали, узнали,— раздались голоса.— Точно схвачено.

— В каком путеводителе описано? — спросил проницательный Пороховой.

— Описание взято из поэмы Гоголя «Мертвые души». В этой гостинице останавливался Павел Иванович Чичиков!

— Что вы, господь с вами! Не был он в Теремковске.

— Был! — синхронно закричали активисты «Глуби».— У Гоголя и название города зашифровано в этой фразе, чтобы обвести вокруг пальца царскую цензуру.

— Не смешите людей! — хмыкнул Буриданов.

— Смотрите сами: в третьем слове есть буква «т», в пятом сразу два «е», шестом — «р», в двадцать первом — «м» и «к». Чем не шифр Теремковска?!

— Значит, Хлестаков в «Пассаже» не останавливался,— заключил Житков.— Не мог же Гоголь с его буйной фантазией поселить всех своих персонажей в одной гостинице. Музей недействителен!

Произнесенные слова, как громом, поразили всех. Звук изумления единодушно вылетел из женских уст. Все словно потеряли дар речи и окаменели.

Председатель горсовета застыл посередине в виде столпа с распростертыми руками и запрокинутою назад головой. По правую сторону его застыли жена и дочь; за ними Пороховой, превратившийся в вопросительный знак; за ним жена Луки Лукича, потерявшаяся самым невинным образом. За ней три сотрудницы гостиницы, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству Сквозняковых. По левую сторону Антона Антоновича застыл Хлебобулатов, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним председатель горсуда, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и рыбный день!» За ним Насонов и Бессонов с разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. За ними корреспондент «Вечернего Теремковска» Ляпичкин, мысленно уже начавший сочинять новый, совершенно убойный фельетон...

* * *

ВОТ ЭТО НОМЕР, ЧТОБ Я ПОМЕР!
(фельетон, опубликованный в газете «Вечерний Теремковск» 23 декабря 1990 года)

Что бы вы сказали, дорогой читатель, если бы в ваш персональный кабинет средь бела дня ворвались два запыхавшихся человечка и заявили, что обнаружили гостиницу, в которой останавливался на ночлег, ну, скажем, Дон Кихот? Наверное, посоветовали бы визитерам обратиться в психлечебницу или по крайней мере потребовали от них документированное подтверждение столь бредового утверждения.

Ничего подобного, однако, не пришло в голову бывшего председателя исполкома нашего горсовета Антона Антоновича С. (полную фамилию которого мы по вполне понятным причинам здесь не называем), когда в его кабинет неожиданно ворвались члены так называемого историко-патриотического общества «Высь» и заявили, что обнаружили (!) гостиничный номер, в котором якобы останавливался Иван Александрович Хлестаков.

Услышав сообщение двух краеведов без роду без имени, из свиного вымени, Антон Антонович, вместо того чтобы потребовать соответствующие документы, петушком помчался в указанный отель.

Поскольку во всех наших гостиницах свободных номеров нет, естественно, был занят и пятый номер, в котором некогда останавливался Иван Александрович. Однако зуд реформаторства настолько не давал покоя бывшему председателю горсовета, что он распорядился срочно очистить помещение и перевести гостя нашего города в другой номер. Здесь же, ничтоже сумняшеся заявил сей муж, отныне будет размещен мемориальный музей Хлестакова.

Итак, бывший председатель исполкома решил занести в свой актив создание нового музея. Что ж, это заманчивее, нежели, скажем, побелить фасад здания детского сада № 184 или заделать выбоину на Второй Космической улице. Легко представить, какие картины народного ликования вокруг собственной персоны рисовались воспаленному воображению бывшего председателя. Однако любви народа этому тщеславцу показалось мало — он решил поставить во главе созданного под его чутким руководством очага культуры марионетку, которая бы безропотно выполняла все его вздорные пожелания. Такое существо, как ни странно, вскоре отыскалось. И оказалась этим человеком не больше не меньше, как... родная дочь нашего новоявленного Хеопса — Мария Антоновна. Ее назначили сразу и директором музея, и художественным советом, и даже экскурсоводом.

Между тем жизнь продолжала бить ключом. Детище предисполкома начало заполняться хилыми экспонатами. Постепенно Антон Антонович настолько уверовал в свое всемогущество, что день ото дня продолжал насаждать культ собственной личности. Дело дошло до того, что, когда на окружном предвыборном собрании его выдвинули кандидатом в депутаты местного Совета, сей муж даже не нашел нужным взять самоотвод! Тем не менее среди теремковцев нашлись принципиальные люди, которые все же решили дать самоотвод председателю исполкома. С этой целью они сочинили письмо в редакцию «Вечернего Теремковска». Но разве существуют какие-либо моральные устои для сильных мира сего?! Так и в этот раз — воспользовавшись приватным знакомством с одним из вечерочников, чуть было не ставшим его зятем, С. сделал так, что компрометирующий материал не попал на страницы газеты.

Но борьба с гласностью была лишь побочным занятием бывшего председателя. Основным смыслом его повседневного существования попрежнему оставалось увековечивание своего имени на скрижалях истории нашего города путем создания так называемого музея. Дело зашло настолько далеко, что в один прекрасный день было даже назначено его так называемое открытие. А дальше...

Дальше все произошло, как в плохих спектаклях,— в самый кульминационный момент торжества в гостиницу ворвались два человечка, оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожие друг на друга. Запыхавшись и перебивая один другого, они сообщили...

Да, дорогой читатель, вы совершенно правы, возьмите с полки пирожок — Хлестаков не останавливался в нашем городе. Здоровая нравственная атмосфера Теремковска издревле отторгала подобных пустоцветов от своей почвы. И в этом легко мог бы убедиться бывший председатель горсовета, не прояви он литературную и политическую близорукость. Не было и не могло быть в нашем городе И. А. Хлестакова, ибо сей персонаж — фантом, плод воображения, миф, рожденный безудержной фантазией Гоголя. А вот П. И. Чичиков из «Мертвых душ» у нас останавливался, и это со всей убедительностью доказали на вышеупомянутом торжестве члены историко-патриотического общества «Глубь».

Для всякого рода предисполкомов нынешний разгул гласности, что вострый нож. Однако, к их непритворному ужасу, представители «Глуби» сделали свое взвешенное сенсационное сообщение принародно. Что началось на открытии музея в кавычках после их слов — трудно описать пером. Вся городская камарилья с поросячьим визгом буквально обрушилась на Насонова и Бессонова, которые «успешно» разработали хлестаковскую версию. Сатанинский шабаш нарастал с каждой минутой, и в этом бедламе мало кто заметил, как к Антону Антоновичу С. приблизилась на полусогнутых секретарша и сообщила ему о том, что председатель приехавшей из Москвы ревизионной комиссии срочно требует его к себе.

Таков неожиданный финал сей смехотворной истории, происшедшей в нашей гостинице «П», полное название которой мы, по вполне понятным причинам, здесь не указываем.

Т. КОЗЫРНЫЙ.

EL COCODRILO KROKODYL KROKOTIILI KROKODIL THE CROCODILE

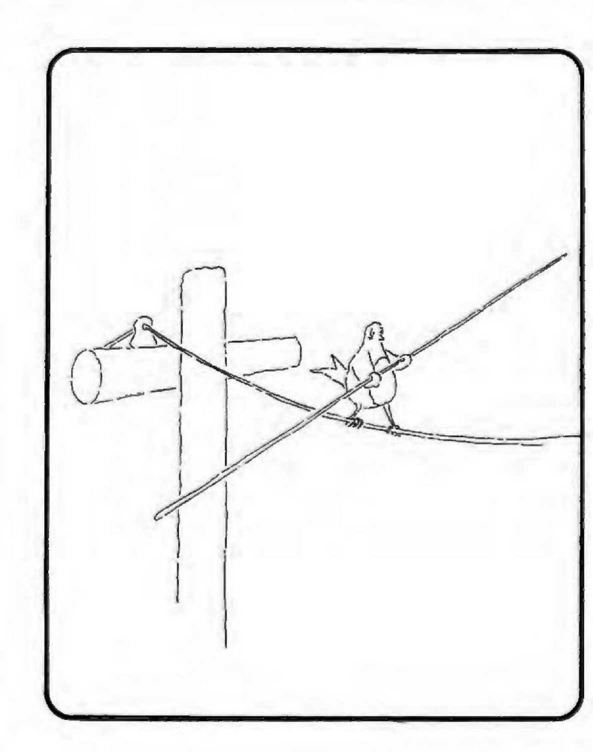
— Прошу прощения, но эти джентльмены обратились ко мне первыми.

РЕЙЗИНГЕР, Югославия.

— Другие-то в ванне только поют...

МАЙЕРС, Англия.

АРНОЛЬД, Канада.

— Я затрудняюсь поставить диагноз. Вероятно, это алкоголизм.
— Хорошо, доктор. Я приду, когда вы будете трезвым.

●

Разговаривают двое приятелей.
— Моя жена,— говорит Джонсон,— счастлива в замужестве!
— Вот как!
— И чтобы открыть причины этого счастья, я нанял двух детективов.

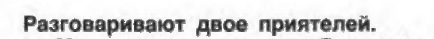
●

— В твоем возрасте,— говорит мать дочери,— я вела дневник.
— Это так старомодно, мама! Я свою картотеку занесла на компьютер.

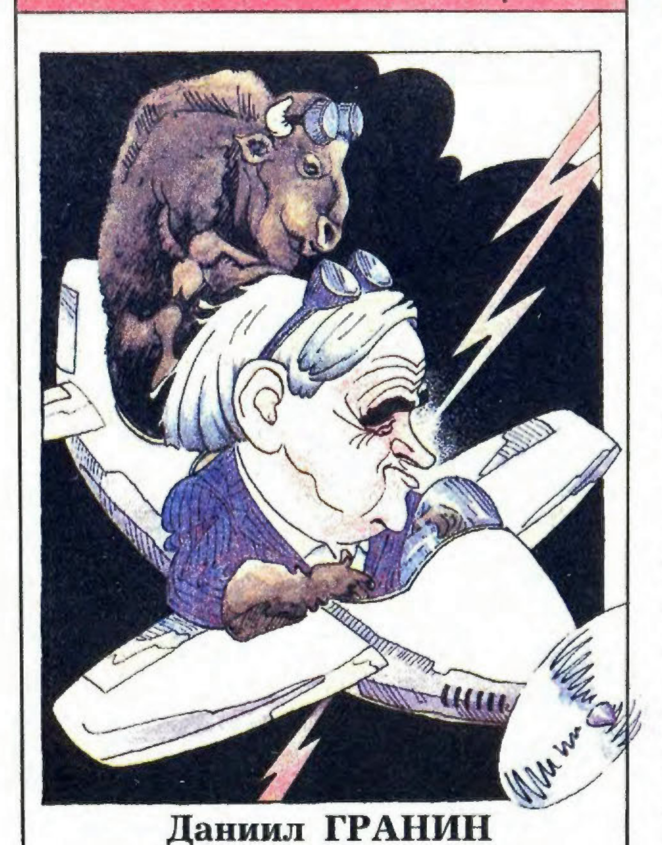
— Как глупы эти люди! — говорит одна муха другой.— Они тратят безумные деньги на потолки и совершенно ими не пользуются.

●

— Что ты подарила мужу на день рождения?
— Норку на воротник.
— А он тебе на твой день рождения?
— Охотничье ружье и надувную резиновую лодку.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Даниил ГРАНИН

Он молчаливый депутат,
И зал его нечасто слышит:
Пока другие говорят,
Он лучше что-нибудь напишет.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

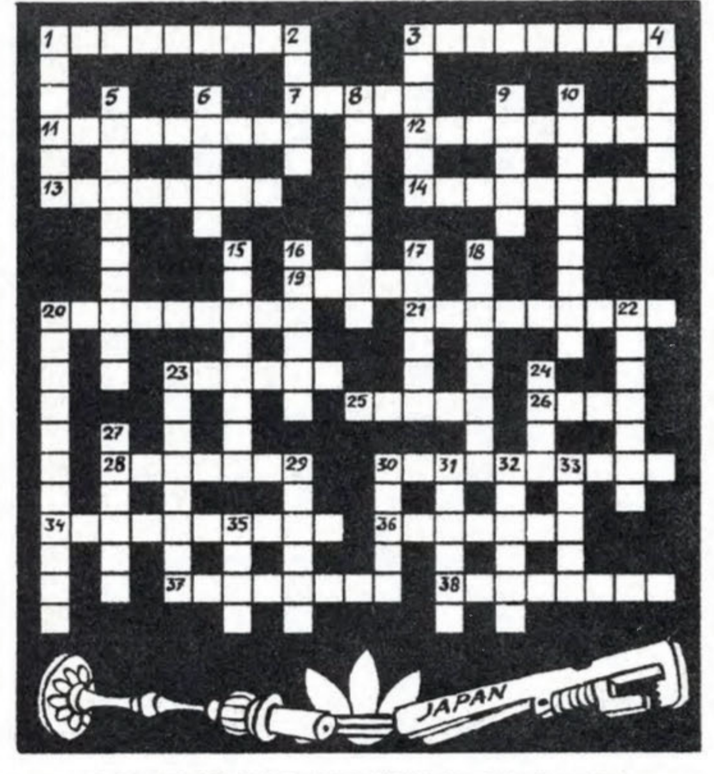
Шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Японский специалист со средним техническим образованием (этимолог.). 3. Латиноамериканский кулак. 7. Челобитье (хулиганск.). 11. Орудие наказания карточных шулеров. 12. Коммунальный подпол по-одесски. 13. Уголовник с артиллерийским уклоном. 14. Великосветская гулянка петровских времен. 19. Человек, который любит во всем себе отказывать. 20. Дача в свое удовольствие под Санкт-Петербургом. 21. Антиконсерватор (англ.). 23. Деловое пугало (послов.). 25. Единица любительства садовода. 26. Ножной иждивенец (посл.). 28. Европейский бродяга (марксистск.). 30. Индивидуальная трудовая деятельность (нэповск.). 34. Адидасовская завлекалка. 36. Ковбойфильм. 37. Певец-провансаль. 38. Пункт ликвидации высшей безграмотности.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Долевое участие в бутылке. 2. Всё решающие (сталинск.). 3. Вакса-гуталин (детск.). 4. Член трудового коллектива под руководством п. 3 по горизонтали. 5. Объятия Морфея, в которых Онегин являлся Татьяне. 6. Лошадь на пенсии. 8. Наука, в которой как аукнется, так и откликнется. 9. Картошка на сладкое (заморск.). 10. Коровий деликатес первой необходимости. 15. Боец в рядах сопротивления (электрич.). 16. Кабинет индивидуального перевоспитания (гимназич.). 17. Подставное лицо (архитект.). 18. Западный пионер. 20. Содержимое ограбленного сейфа (жарг.). 22. Продукт ошалелого мышления (песенн.). 23. Гидрохудожник. 24. Место нахождения дров на траве. 27. Скоростная попытка разбогатеть (лотерейн.). 29. Природный характер. 30. Разносная подстилка (учрежденч.). 31. Период интенсивного обучения (студенч.). 32. Фома неверующий. 33. Сукины дети. 35. Хоккеефоб.

Составил
В. ЖЕЛЕЗНОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Балласт. 5. Рабочие. 7. Степи. 9. Ватсон. 10. Чертики. 11. Там. 13. Линька. 16. Броун. 18. Камыш. 19. Сизиф. 21. Мундир. 23. Паспорт. 24. Век. 26. Ум. 27. Козел. 29. Воля. 30. Понедельник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Альпинистка. 2. Канареечка. 4. Точка. 6. Голова. 8. Тучка. 12. Мозоль. 14. Неваляшка. 15. Мюнхгаузен. 16. Буратино. 17. Лестница. 20. Миксер. 22. Горло. 25. Буря. 28. Звон. 29. Волк. 31. Имя.

ПОЛЕ ЧУДЕС

ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ В... СОЧИ

Можно бы предположить, что та уникальная наклонная кампанила перевезена с соборной площади г. Пизы в курортный город Сочи итальянцами-благотворителями исключительно для заработка на ее показе валюты и передачи последней известному курорту для поправки его хиреющего здоровья. Но, увы... Действительность разочаровывает: та башня как стояла в Пизе, так там и стоит. А в Сочи — своя, доморощенная. Ростом пониже и возрастом помоложе. Но сочинская — на улице Чебрикова! — тоже впечатляет, раскачиваясь при проезде машин и осыпаясь кусками бетона при чихе жильцов дома № 7, прилегающего к башне. Но особо острые ощущения ожидают всякого, кто рискует проскочить невредимым в подъезд под нависшей бетонной глыбой (бывшей трубой ликвидированной котельной).

Как и за Пизанской, за состоянием сочинской установлено наблюдение — в этом же доме из окна домоуправления № 3. В результате чего у домуправа Филимонова даже обмозговалась своя теория вероятности ее падения: оно должно произойти, но только в ночное — после 23 часов — время и «без жертв».

Что же касается включения еще одной сочинской достопримечательности в туристские маршруты — для заработка валюты,— то тут местные власти проявляют крайнюю нерасторопность. И в то же время брезгуют рублем, на который, по сообщению нашего добровольного корреспондента, скинулись жильцы дома № 7, обеспокоенные, правда, только своим собственным спасением, требуя демонтажа башни.

ВАМ, ЦВЕТОВОДЫ,

предназначены банки с краской производства Цхалтубского (пос. Гумбра) химзавода в солнечной Грузии. Вот уж точно не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Купила тут Л. ПОХИЛ в родном поселке Геолог Джизакской области не менее солнечного Узбекистана пару банок этой краски и глазам своим не поверила: в каждой банке на два пальца белого речного песку. Только пробей дырку в днище — и горшок готов. А с песком в поселке туговато. «Спасибо работникам химзавода,— пишет растроганная Людмила Ивановна,— за заботу о нас, цветоводах».

ОБОРОТИСТЫЕ ПАНТАЛОНЫ

Уважаемые читательницы! Приобретайте панталоны женские, изготовленные на Донецкой трикотажной фабрике. Помните, что разрывная нагрузка тонкого кулирного полотна, из которого они сделаны,— 110 кг/с, а на трение оно выдерживает 60 оборотов (не знаем чего). Нормативно-технические данные получены покупательницей Е.Гуглевой из Новочеркасска, засомневавшейся в прочности обновки, от предприятия-изготовителя за подписью инженера по качеству Л.А.Кононенко.

КОТОПЕСНЫЙ НАПИТОК

Хороши безалкогольные напитки Симферопольского завода «Крым»! Фирменная их особенность — полное соответствие ароматических свойств названиям.

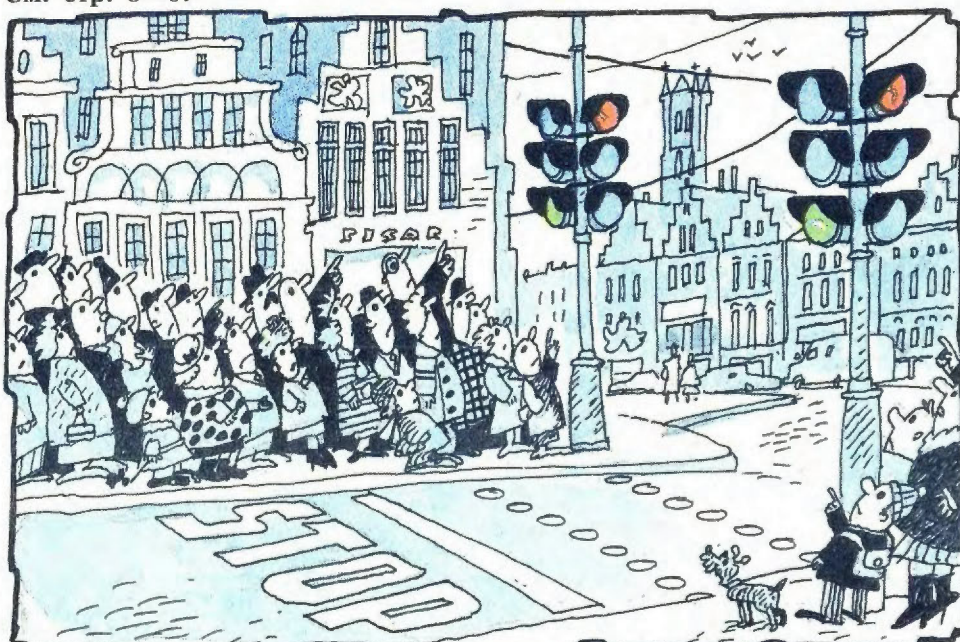
Пьешь «Апельсиновую» — бьет в ноздри запах ароматного плода. Открыл бутылку «Лимонада» — пахнуло нежным солнечным цитрусовым.

Сейчас завод выпустил по повышенной цене новый напиток «Пес и кот». Соответствие — стопроцентное! Только непонятно, кем больше пахнет, сообщил нам, отведавший новинку читатель из Симферополя Г. ТАРАНЕЦ.

ОТПРАВЛЯЙТЕ НЕЛИКВИДЫ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ,

как это делает издательство «Зодиак» Московского госуниверситета. Чем хорош этот способ? А тем, что можно отправить любую халтуру: ведь пока не заплатишь за бандероль, ее тебе не выдадут. Нашему читателю из Ульяновска Г. М. Козлову выдали — и он заплакал горючими слезами, поскольку присланный «Зодиаком» так называемый гороскоп не нужен был ему ни при каком расположении звезд, а нужен был всего-навсего календарь земледельца.

См. стр. 8—9.

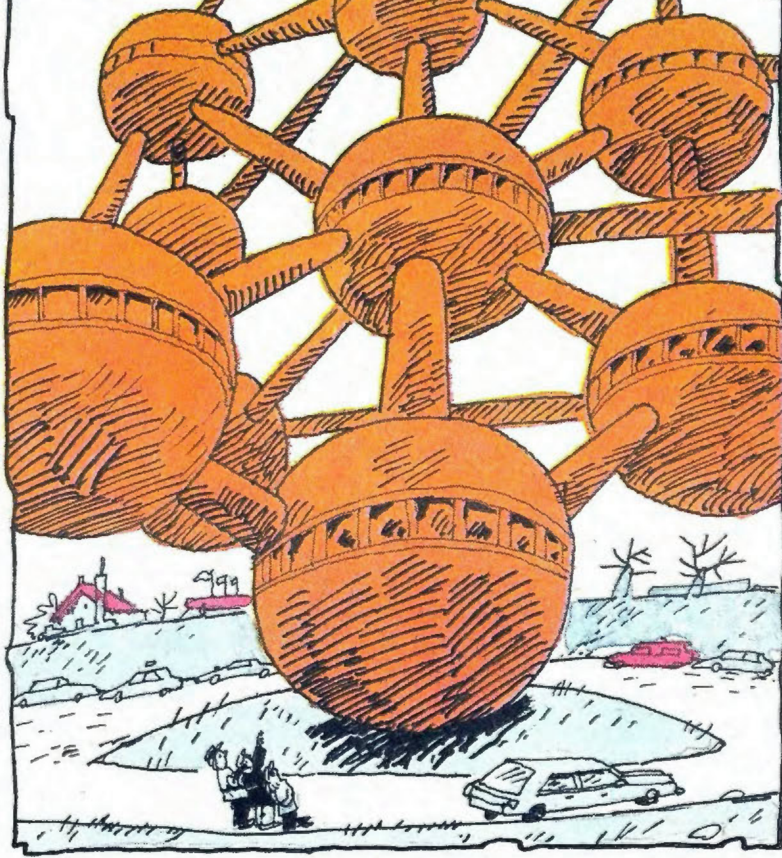
АНТВЕРПЕН. ОЧЕРЕДИ НА КАЖДОМ ШАГУ.

АРБАТСКИЕ МОТИВЫ
НА УЛИЦАХ БРЮССЕЛЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ,
КОТОРОГО КРОКОДИЛ
УВИДЕЛ В БЕЛЬГИИ,
ОКАЗАЛСЯ ЖЕНЩИНОЙ.

БРЮССЕЛЬ. АТОМНЫЕ «СЕКРЕТЫ» В СТОЛИЦЕ НАТО.

ОСТЕНДЕ.
ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН.

ОСТЕНДЕ. КОНКУРИРУЮЩИЕ ВИДЫ ТРАНСПОРТА.

ИЗДЕРЖКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА.

75 коп. Индекс 70448.